

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Д.О. ТРУФАНОВ

**Рациональность как фундаментальная характеристика
социальных систем. Постнеклассический (универсумный)
подход**

Монография

Красноярск 2013

УДК 316.423
ББК 60.524.122.115
Т80

Рецензенты:

доктор философских наук Н.А. Князев
доктор социологических наук Д.Д. Невирко

Труфанов Д.О.

Т80 Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. Постнеклассический (универсумный) подход : монография – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 124 с.

ISBN 973-5-7638-2860-3

В монографии представлены основные результаты исследования проблемы рациональности с позиций постнеклассического (универсумного) социологического подхода. Предложена общая дефиниция рациональности, выделены типы рациональности, сформулирована универсумная социологическая теория рациональности.

Предназначено для студентов гуманитарных специальностей, а также социологов, философов и других специалистов, интересующихся данной проблематикой.

УДК 316.423
ББК 60.524.122.115

ISBN 973-5-7638-2860-3

© Сибирский
федеральный
университет, 2013

Содержание

Введение	4
§1. Проблема дефиниции рациональности: современное состояние	13
§2. Дефиниция рациональности с точки зрения диатропической познавательной модели	42
§3. Статус рациональности в социальной системе.....	56
§4. Универсумная социологическая теория рациональности.....	68
§5. Универсумный подход к проблеме рациональности социальной организации.....	90
§6. Познавательные перспективы в социологии с точки зрения универсумной теории рациональности	110
Заключение	127
Список литературы	132

ВВЕДЕНИЕ

Рациональность как теоретико-методологическая проблема в социологии

Проблема рациональности в течение долгого времени дискутируется в философской и социологической литературе. При этом, если в рамках философского дискурса данная проблема получила подробную разработку в ряде фундаментальных концепций, то социологическое осмысление рациональности больше ставит вопросов, чем предлагает решений. Социологическим осмыслением рациональности следует называть ее интерпретации как эмпирически конкретного явления, связанного с деятельностью и взаимодействием социальных акторов, а также с существованием и развитием человеческого общества¹. Потребность в социологическом осмыслении рациональности актуализировалась в конце XIX – начале XX в., в период позитивистской секуляризации «Разума», когда понимание разума как трансцендентного субъекта в отвлеченно-абстрактной форме трансформировалось в его интерпретацию как конкретной характеристики деятельности и поведения людей. Как отмечает Ю.Н. Давыдов, в этот период произошла замена «Божественного разума» на разум человеческий, сведенный к простой способности индивида поступать целесообразно, пребывая в здравом уме и твердой памяти². Понимание разумности как целесообразности легло в основу теории рациональности М. Вебера – одной из первых социологических теорий рациональности. Дальнейшие попытки социологического осмысления рациональности явили нам многочисленные ее концепции, основанные на различных, часто далеких

---

¹ В отличие от социологического, философское осмысление обсуждает рациональное как сверхчувственное, внеэмпирическое, имеющее собственные законы существования и развития. (Семенов В. В. Основы рациональности. Антропологический вектор философии. – Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003.)

² Давыдов Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. – 1996. – Вып. 6. – С. 71–77.

друг от друга, признаках. Сегодня в качестве таких признаков используются всевозможные частные содержания реальности, а также разные варианты их синтеза – целесообразность, эффективность, законосообразность, теоретическая осознанность и упорядоченность, нормативность (стандартизованность, конвенциональность), способность к целеполаганию, автономность действующего субъекта и др. Разнообразие не сводимых друг к другу признаков порождает плюрализм интерпретаций рациональности, приводя к жизни различные эксплицитные схемы, использующие разные терминологические языки описания рациональности и выступающие предметом дискуссий среди социологов. В ходе таких дискуссий высветился ряд проблем, решение которых имеет значение для развития социологического знания. Среди них выделяются следующие основные проблемы, ставшие актуальными направлениями социологического изучения рациональности:

проблема дефиниции рациональности, выраженная в существовании различных, нередко конфликтующих ее определений: объект, признанный рациональным в рамках одной дефиниции, может быть одновременно определен как иррациональный в рамках другой. Ключевым аспектом данной проблемы выступает проблема существенного признака рациональности, выражающего ее качественную определенность. Как показывает анализ социологической литературы по проблеме рациональности, поиск и формализация данного признака до настоящего времени связаны со значительными затруднениями;

проблема обоснованности критериев рациональности. Существенные затруднения возникают и при попытках ответить на вопрос, *почему* те или иные признаки должны быть маркированы как признаки рациональности. Как правило, социологи не стремятся к осуществлению критической рефлексии в отношении таких признаков, считая их априорным знанием или апеллируя к научной традиции, связанной с именами классиков социологии. Вместе с тем, вопрос о том, почему рациональность должна быть сведена к

конкретному признаку, далеко не праздный: во-первых, научное знание – это знание не априорное, а выводное, во-вторых, ответ на него является необходимым условием изыскания существенного признака рациональности, выступающего ее универсально-объективным референтом;

проблема общей теории рациональности выражена в несистемном использовании различных эксплицитных схем, которые применяются для интерпретации рациональности в социологии. Данные схемы оформляют научный интерес к предмету, раскрывают отдельные содержательные стороны рациональности и выступают необходимым условием ее системного осмысления. Вместе с тем, они не исчерпывают научную концептуализацию рациональности, а их конфликтность заставляет признать их «разрозненными неинтегрированными фрагментами знаний». Но, по выражению Т. Парсонса, «знание является научным лишь тогда, когда эти фрагменты интегрируются в ясно очерченные теоретические системы»³;

проблема освобождения категории рациональности от оценочных суждений. Принцип свободы от оценки устанавливает необходимость освобождения научных категорий от субъективных оценок, обусловленных личными пристрастиями исследователей. Анализ социологических дефиниций рациональности приводит к выводу, что во мнениях исследователей понятие рациональности, как правило, связано с положительными оценками социальных объектов и явлений, а понятие иррациональности, напротив, выражает отрицательную их оценку. Данное обстоятельство делает проблематичным научный статус категории рациональности, когда она престаёт быть результатом научного наблюдения за фактами и превращается в инструмент выражения исследователями субъективных оценок объектов действительности;

проблема статуса рациональности в социальной системе связана с вопросом о способе ее существования: следует ли считать рациональность характеристикой социального поведения индивида, его познавательной

---

³ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002. – С. 59–60.

деятельности или необходимо утверждать ее как фундаментальное свойство социальной реальности? Так, рациональность обсуждается исследователями в онтологическом и гносеологическом аспектах. В первом случае рациональность интерпретируется как объективное свойство реальности, законосообразность, способ самореференции и саморегуляции социальных систем, во втором – утверждаются когнитивные критерии рациональности, характеризующие познавательную, интерпретирующую, социально-преобразующую деятельность социального субъекта.

Указанные проблемы обуславливают существование теоретического плюрализма в изучении рациональности, что, наряду с известными достоинствами, создает теоретико-методологическую проблему, выраженную в отсутствии общей теории рациональности. Подобная теория не может быть сведена ни к одному из существующих подходов к проблеме рациональности, но должна использовать их познавательные возможности, устанавливая отношение взаимодополнительности между ними. Данные обстоятельства делают актуальной необходимость формирования общей социологической теории рациональности, в рамках которой будет найден инвариантный признак и сформирован метаязык описания рациональности, объединяющий разные эксплицитные схемы в общую теоретическую модель.

На проблему плюрализма версий рациональности и необходимость общей ее теории неоднократно указано в рамках философского дискурса. Так, Н.С. Автономова, рассматривая рациональность как философскую проблему, различает прагматико-функционалистический и ценностно-гуманитаристический подходы к пониманию рациональности в философии и обосновывает необходимость концепции единой рациональности, понимая рациональность как единство рассудка и разума⁴. В.Г. Федотова указывает на существование отрицательных последствий теоретического плюрализма в решении вопроса о рациональности. «Вместо того, чтобы увидеть в каждом

---

⁴ Автономова Н. С. Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – С. 48–76.

представлении о рациональном, соответствующем определенному типу деятельности, выражение всеобщего, его принимают за это всеобщее и навязывают другим областям»⁵. Данное всеобщее, по мысли указанного автора, в конкретно-исторических формах выражено в структуре мышления и деятельности, предметно-орудийной и понятийной реальностях. Такое понимание сущности рационального приводит В.Г. Федотову к утверждению методологического принципа его исследования, устанавливающего единство когнитивных и социальных критериев рациональности. По мнению В.С. Швырева, конструктивность подведения форм рациональности под общее «инвариантное» понятие рациональности связана с «общей принципиальной ориентацией рационального познания и действия на сознательно культивируемую ответственность перед вызовами Реальности, в которую «вписаны» люди в своем познании и жизнедеятельности, их самокритичность и рефлексивность в соответствующих проблемных ситуациях»⁶. Б.В. Асатрян, обращая внимание на существующее многообразие подходов к интерпретации социальной рациональности и, с другой стороны, на отсутствие ее целостной концепции, предпринимает попытку решения названной проблемы на основе подхода, предполагающего синтез целерациональности, ценностной рациональности и рациональности деятельностного подхода⁷.

На проблему плюрализма в решении проблемы рациональности указано и в рамках социологического дискурса⁸. Вместе с тем в социологии

---

⁵ Федотова В. Г. Социальная рациональность и демократическое общество // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 237.

⁶ Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М., 2003. – С. 7.

⁷ Асатрян Б. В. Социальная рациональность в системе интерпретации развития общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Таганрог, 2007. – С. 6–7.

⁸ Hennen M. Keise der Rationalität – Dilemma der Sociologie: Zur Kritische Rezeption Max Webers. – Stuttgart, 1976. – S. 13–14; Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – С.

проблема общей теории рациональности до настоящего времени не получила подробной разработки. В социологической литературе используется значительное количество разных интерпретаций рациональности, существенно отличающиеся друг от друга. Рациональное обсуждается как логически обоснованное, осознанное, выражающее логическую связь цели и средств (М. Вебер, В. Парето, Н.И. Лапин, О.Т. Вите, Е.А. Мамчур); как оформленные, законосообразные содержания реальности (Н.С. Мудрагей, Т.И. Ойзерман, В.Д. Комаров, Т.А. Феньвеш, Н.Е. Покровский); как эффективность, определяемая как способность избранных действий, средств и структур обеспечить достижение цели в конкретных условиях (А.Л. Никифоров, Р.Д. Хунагов, Н. Генов, М. Олсон); как характеристика теоретически осознанного, упорядоченного, непротиворечивого содержания, противостоящего эмоциональному, противоречивому, аффективному (Ж.Т. Тощенко, В.Г. Немировский, Т.И. Заславская, Б. Вальденфельс); как коррелят истинности (Б.И. Липский, Т. Парсонс, Б. Фливерберг); как нормативность, стандартизованность, конвенциональность (А.И. Ракитов, В. Пироженко, А.Б. Белозеров, Л.Д. Гудков, Дж. Ритцер); как способность к целеполаганию (К. Маркс, В.С. Швырев, С.В. Маслова); как характеристика действующих социальных субъектов, состоящая в их способности свободно и самостоятельно управлять своим поведением, действовать автономно.

В рамках социологического дискурса активно используется понятие социальной рациональности, которое также не получило единой системы интерпретации его содержания. В рамках одних определений социальная рациональность обсуждается как тип рациональности, выражающий совокупность стандартов социально-группового поведения, обслуживающих социально значимые для данного социума цели. Другие определения связывают социальную рациональность с познавательной, социально-

---

174–177; Boudon R. A Critical Dictionary of Sociology. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – P. 285–292 и др.

преобразующей деятельностью индивидов и групп. Третьи определения интерпретируют социальную рациональность как способ функционирования социальных систем, выраженный в их структурной логике, способности к самореференции и саморегуляции. Иные авторы, применяя термин «рациональность», не приводят его дефиниции, что существенно затрудняет понимание их текстов.

Указанные интерпретации, а также различные варианты их синтеза легли в основу различных версий рациональности, имеющих место в общественных и гуманитарных науках. Среди них рациональность обыденной жизни (Б. Вальденфельс), модель ограниченной рациональности (Н. Simon), «модель разумной достаточности» (А.А. Шевченко, Т. Принсен), теория «rreemmm» (теория шести признаков рациональности поведения: resourceful, restricted, expecting, evaluating, motivated, meaning (S. Lindenberg)), теория переменной рациональности (Н. Leibenstein), концепция абсентеистской рациональности (О.А. Кармадонов) и др. Многие авторы рассматривают рациональность как характеристику социального поведения человека, обсуждая ее в терминах теории принятия решений (Т.А. Индина, В.И. Моросанова, А. Grandori, М. Boumans), теории рационального выбора (S. Segre, М.Ю. Казачков, J. Elster, Н. Best, G. Mehlkop, P. Graeff, Г.И. Рузавин), теории игр (I. Back, A. Flache, J. Weesie, C. Snijders, V. Buskens), модели выбора фрейма (С. Kroneberg, М. Yaish, V. Stocké), теории ожидаемой субъективной полезности (Н. Esser и др.), как проблему когнитивных контактов в системах социального взаимодействия, связанную с интерпретацией социальными акторами знаний и поведения (P. Stone, Н. Gintis).

Выделяется ряд работ, обсуждающих отраслевые теории рациональности, разрабатываемые в рамках той или иной сферы социальной практики: инженерная и технологическая рациональность (В.Д. Комаров, Е.Е. Елькина, В.П. Котенко), научная (С. Matheson, А.Ф. Зотов, И.С. Панкратов, В. Пироженко), экологическая (environmental) (Т. Prinsen, F.

Nobre, D. Walker, R. Harris), экономическая (Э. Калинин, Е. Чиркова, Н.Н. Покровская, А.Н. Сорочайкин, А.В. Филатова), юридическая (Т.П. Агафонова, А.Ю. Мамычев, В.В. Попов), педагогическая рациональность (Л.В. Ведмич).

Приведенные значения рациональности не исчерпывают всех возможных ее интерпретаций. Вместе с тем, уже упомянутые выше значения отличаются друг от друга, что существенно затрудняет их операциональное использование при изучении социальных объектов сквозь призму оппозиции «рациональное – иррациональное». В связи с этим не случайно многие исследователи говорят о кризисе рациональности, состоящем в ее релятивности⁹. Таким образом, по выражению Б. Герта, имеет место произвол в употреблении понятия рациональности¹⁰.

Вместе с тем, на современном постнеклассическом этапе своего развития социология использует познавательные модели, которые имеют эвристический потенциал, позволяющий под новым углом зрения рассмотреть проблему рациональности и получить значимые для научной теории и практики результаты. Таков универсумный социологический подход, разрабатываемый В.Г. Немировским и его единомышленниками¹¹, воплотивший основные теоретико-методологические принципы постнеклассической социологии. Универсумный подход опирается на диатропическую познавательную модель, делающую акцент на общих свойствах разнообразий. Построенный на основании указанной модели

---

⁹ Мурейко Л. В. К проблеме рациональности массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 126; Абдула А. И. «Кризис рациональности» в контексте противостояния рационализма и иррационализма // Актуальні проблеми духовності: збірка наукових праць. Вип. 6 / М-во освіти і науки України, Криворізький держ. пед. ун-т ; відп. ред. Я. В. Шрамко. – Кривий Ріг, 2005. – С. 42–43; Заикин А. А. Кризис рациональности и новые подходы в ее понимании // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. – Таганрог 2010. – №2. – С. 46–51.

¹⁰ Герт Б. Рациональное и иррациональное в поведении человека // Мораль и рациональность. – М., 1995. – С. 259.

¹¹ Немировский В. Г., Сергеев М. И. Развитие социологической науки в Красноярском крае // Социологические исследования. – 2008. – №7. – С. 149–150.

диатропический принцип минимального универсума¹² способен выступить актуальным инструментом изучения рациональности социальных систем и позволяет не только предложить решение проблемы универсально-объективного референта рациональности, эксплицировать ее структурно-динамические качества, но и установить взаимодополнительность существующих подходов к ее пониманию. Таким образом, в современной социологической науке сложилась ситуация, когда, с одной стороны, существует ряд актуальных проблем в социологическом изучении рациональности, с другой – сформировались теоретические предпосылки их системного осмысления, категориальной формализации рациональности на основе применения методологических принципов постнеклассической (универсумной) социологии.

В данном монографическом исследовании мы намерены показать возможности постнеклассического (универсумного) социологического подхода в исследовании проблемы рациональности, продемонстрировать основные теоретические результаты, полученные в ходе его применения. Такие результаты приводят к утверждению рациональности как фундаментальной характеристики социальных систем, необходимого их элемента, образующего в совокупности с иррациональными содержаниями актуальные ситуации их существования и развития.

---

¹² Немировский В. Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития // Социология. Научно-теоретический журнал. – Минск, 2004. – №1. – С. 39–49.; Nemirovskiy V. G. The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology / The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. – 2007. – Vol. 2. – Num.1.; Nemirovskiy V. G. The Theoretical-methodological Foundations of Post-non-Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology / Humanities & Social Sciences: Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2008. – № 1. – С. 77–90.

§1. ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Проблема дефиниции рациональности, напомним, состоит в теоретическом плюрализме в интерпретации содержания понятия «рациональность», имеющем место в современной социологической науке. Характеристика современного состояния данной проблемы предполагает экспликацию основных определений рациональности, используемых сегодня в социологии. При этом подробное рассмотрение истории и содержания философских концепций рациональности находится за пределами нашей задачи. Такие концепции – значительный по своему объему и сложности пласт научного содержания, всесторонняя экспликация которого увела бы нас в сторону от основной линии изложения. Тем более, что в философских науках нет недостатка в качественных историко-аналитических обзорах проблемы рациональности, в том числе раскрывающих современное состояние философского дискурса по ее поводу¹³. Согласно таким обзорам основные философские экспликации рациональности в настоящее время сводятся к следующему ряду ключевых проблем: обусловленность решения проблемы рациональности содержанием той или иной философско-методологической концепции; проблема смысла «разумности» как предикации (бытия, действия, отношения, цели и т.д.); проблема критериев и связанная с ней проблема типологии рациональности;

---

¹³ Порус В. Н. Рациональность // Новейшая философская энциклопедия. Институт философии РАН [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2555.html>. Дата обращения: 08.06.2013; Григоренко Д. Е. Проблема социальной рациональности в современной философии // Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности: монография. – Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2010. – С. 130–138; Моисеев Н. Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 77–87; Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – 225 с.; Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. – М.: Наука, 1989. – С.8–48.

проблема демаркации как проблема определения границ науки и научной деятельности с помощью однозначных критериев рациональности; проблема плюрализма моделей рациональности (проблема универсально-объективного референта); проблема общего философско-методологического подхода к изучению рациональности; парадокс отношения между «критериальной» и «критико-рефлексивной» рациональностью; проблема отношения к рациональности как к ценности культуры; проблема современного понимания рационализма и его познавательных возможностей и др.

В современной социологии присутствует широкий набор различных интерпретаций содержания понятия «рациональность». Далее приведем основные интерпретации, социологические по своему содержанию.

1. Рациональность как характеристика теоретически осознанного, упорядоченного, непротиворечивого содержания, противостоящего эмоциональному, противоречивому, аффективному. На рациональное как элемент реального общественного сознания указывает Ж.Т. Тощенко. Рациональное в данном случае выступает как упорядоченное, опосредованное, обобщающее, близкое научному теоретическому сознанию в противовес эмоциональному компоненту, стихийному, связанному с непосредственным впечатлением, сиюминутным воздействием¹⁴. При этом рациональность способна трансформироваться в свою противоположность в контексте парадоксов общественного сознания, когда действия, сами по себе в отдельности являющиеся рациональными, будучи соединены, обнаруживают несогласованность, противоположность, несовместимость друг с другом¹⁵. В.Г. Немировский с точки зрения диатропического принципа минимального универсума выделяет рациональные и эмоциональные элементы в массовом сознании. Первые связаны с когнитивными элементами ценностных ориентаций, присутствующих в массовом сознании,

---

¹⁴ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С.26.

¹⁵ Там же. – С.73.

вторые содержат аффективные их компоненты¹⁶. Т.И. Заславская, раскрывая содержание понятия «трансформационная активность общества», указывает на составляющие его рациональные и иррациональные реакции социальных субъектов. При этом первые выступают как продуманная, взвешенная реакция, связанная с осознанным выбором, в то время как вторые являются аффективно-эмоциональными или раздражательными¹⁷. По мнению В.В. Колбановского, рациональное отличают от иррационального признаки разумности, осмысленности, логичности¹⁸. Согласно определению, сформулированному Б. Вальденфельсом, рациональность в широком смысле есть «то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, рассудочно-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности»¹⁹.

2. Рациональность как коррелят истинности. Рациональными признаются рассуждения, смыслы, действия, знание, которые соответствуют истине, взятой в значении какого-либо образца, эталона: «чем ближе к истине наше рассуждение, тем оно рациональнее, и, наоборот, чем оно рациональнее, тем ближе к истине»²⁰. Такие образцы могут иметь различное содержание: универсальный закон, стандарты когнитивной деятельности, социальная консолидация, верифицируемость знания и др. Проблематизация истинности как критерия рациональности обуславливает существование различных версий последней.

---

¹⁶ Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. – 2006. – №2. – С. 16.

¹⁷ Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. – 2002. – №8. – С.13.

¹⁸ Колбановский В. В. Иррациональность и консерватизм // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С.83.

¹⁹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИОЛОГОС: пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 41.

²⁰ Липский, Б. И. Рациональность, истина, коммуникация // Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.): Т. 3. Онтология, гносеология, логика и аналитическая философия – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. – С. 85.

Так, по мнению Б.И. Липского, существование различных версий рациональности связано с проблематизацией отношения рациональности и истинности. Такая проблематизация привела к жизни три подхода к пониманию рациональности: рациональность как соответствие универсальным структурам разума (структурная рациональность), рациональность как соответствие универсальным принципам единой нормативной методологии (операциональная рациональность), рациональность как функциональное соответствие определенной социокультурной системе (функциональная рациональность)²¹. Полагая разум как фундаментальную основу бытия и мышления, структурная рациональность выражает соответствие познавательного акта универсальному закону (идеальному проекту), установленному трансцендентным субъектом. Истинность понимается в данном случае как соответствие человеческого знания этому проекту. Тем самым рациональность здесь характеризует качество познавательных актов и знания как их результата. В рамках операциональной рациональности истина понимается как соответствие познавательного акта логическим и методологическим приемам и правилам достижения знания. Такие приемы и правила обеспечивают систематичность и внутреннюю согласованность познавательного акта, что и определяется как рациональность. Таким образом, рациональность выражена здесь в виде стандартов и норм осуществления познавательной деятельности. Мышление, построенное по схемам структурной и операциональной рациональностей, Б.И. Липский характеризует как безлично-монологическое, игнорирующее коммуникативные аспекты²². На преодоление данного ограничения направлена концепция функциональной рациональности, предполагающая обращение к личностно модулированным структурам сознания и общения. Здесь, в контексте «новой рациональности», «истина выступает как

---

²¹ Там же. – С. 85.

²² Там же. – С. 86.

практическое основание социальной консолидации, которая всегда принадлежит к определенному народу, времени, культуре», а ее критерием становится признание максимально широким кругом людей²³. Тем самым рациональность в данном случае приобретает значение социальной нормы, отражающей социокультурные особенности обществ и обеспечивающей социальную солидарность.

Рациональность в значении истинности (как соответствие знания действительности) обсуждается Т. Парсонсом в рамках утилитаристской теории социального действия²⁴. В данном контексте разумным социальное действие является тогда, когда актер обладает научно верифицируемым знанием условий ситуации, в которых он действует. Актер становится здесь своего рода ученым-исследователем, получающим истинное знание. Обладание таким знанием делает актера способным достигать поставленных целей. Отклонение от рациональной нормы действия связано с неадекватностью знания, которое имеется в распоряжении актера, – невежеством последнего и (или) ошибочными соображениями (ошибочными с позиции более широкого знания). Использование неадекватного знания приводит к тому, что актер действует иначе, чем действовал бы, имея знание адекватное.

Рациональность как знание, соответствующее действительности, предстает в работе Б. Фливерга. Обсуждая отношения рациональности и власти, данный автор указывает, что власть способна «определять» рациональность, искажая «реальную» рациональность как действительное положение вещей²⁵. Такая искаженная рациональность подчиняется идеологической программе власти. Последняя способна стать фактором, препятствующим эффективному взаимодействию социологической науки

---

²³ Там же. – С. 87.

²⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002 – С. 116–123.

²⁵ Фливерг Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // Социологические исследования. – 2007. – №1. – С. 64–67.

(как сферы истинного знания об обществе) и общества²⁶. Истинность и осмысленность (знание, теоретическая осознанность) объединены в интерпретации рациональности А.Г. Здравомысловым. Данные признаки конституируют рациональность как культурную ценность, основания которой связаны со способностью человека к коммуникации²⁷. «Если мы признаем в качестве основной ценности культуры Знание, то мы стоим на позициях принципа рациональности»²⁸.

Интерпретация рациональности в значении истинности существенно сужает возможности операционального использования данной категории для изучения социальных систем. Выбор истины (образца, маркирующего рациональность) в рамках такого подхода остается в известном смысле произвольным: авторы не подвергают сомнению законность интерпретации рациональности как истинности, ссылаясь на интуитивное понимание данного обстоятельства. Более того, рассуждения, признанные истинными в рамках одного образца рациональности, могут оказаться ложными (иррациональными) в рамках другого. Например, вновь созданная научная теория, являющаяся рациональной в смысле ее соответствия стандартам познавательной деятельности, может не способствовать социальной консолидации, а, напротив, порождать конфликты и разобщенность в обществе (следовательно, быть иррациональной). С другой стороны, суждения, получившие существование на уровне массового сознания и способствующие консолидации отдельных общностей и общества в целом, могут не иметь признака законосообразности и не соответствовать стандартам когнитивной деятельности, что неоднократно имело место в истории обществ. Тем самым, рациональное может оказаться

---

²⁶ Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессионально-публичная социология? // Социологические исследования. – 2009. – №4. – С. 25.

²⁷ Здравомыслов А. Г. Принцип рациональности в современной социологической теории (гносеологические и культурологические основания) // Социологические исследования. – 1990. – № 12.

²⁸ Здравомыслов А. Г. Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С.8.

иррациональным, а истина – ложью. Таким образом, интерпретация рациональности как коррелята истинности не способствует синтезу подходов к пониманию рациональности, а, напротив, утверждает их плюралистичность.

3. Рациональность как целесообразность. Рациональность в данном понимании выступает как выражение объективированной тем или иным образом связи цели деятельности и средств ее достижения. Рационализация предполагает осознание цели деятельности, логическое соотнесение цели, средств и последствий ее достижения. На данном основании В. Парето построил классификацию логических и нелогических действий. Собственно логическими итальянский социолог считает действия, логическое соответствие цели и средств в которых очевидно не только для действующего субъекта, но и для «тех, кто обладают более обширными познаниями», т.е. в данном смысле объективировано²⁹. Иные действия он классифицирует как нелогические. Вместе с тем, В. Парето подчеркивает, что нелогические действия не следует отождествлять с алогическими. Так, действия, соотношение цели и средств в которых не становится объективированным в указанном выше смысле, но артикулировано в контексте некоторых индивидуальных сознаний, предстают в его концепции как субъективно логические. Таким образом, в той или иной мере логическими в концепции В. Парето являются действия, соотношение цели и средств в которых осознанно индивидуальным и групповым субъектом социального действия, а субъективная цель идентична цели объективной.

В данной интерпретации рациональность предстает также в теории социального действия М. Вебера. Социолог связывает рациональность с «интеллектуальным пониманием», которое позволяет сконструировать модель связи цели и средств (идеальный тип), выражающую

---

²⁹ Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. – М., 2008. – С. 30–31.

целерациональный тип социального действия³⁰. Как отмечает Ю.Н. Давыдов, рациональность у Вебера выражает предельную целесообразность, максимальное соответствие целей и средств их достижения в любой из сфер человеческой деятельности³¹. Другие типы социального действия характеризуются различной степенью иррациональности. Упомянутая модель служит для «измерения» эмпирически фиксируемого поведения социальных субъектов для выявления отклонения от нормы связи цели и средств (иррациональности), что приводит к пониманию наблюдаемых фактов³². М. Вебер выделил шесть типов поведения, четкость границ между которыми проблемна: 1) более или менее приближенно достигнутый правильный тип (объективная рациональность); 2) субъективно целерационально ориентированный тип; 3) более или менее осознанное и более или менее однозначно целерационально ориентированное поведение; 4) нецелерациональное поведение, но понятное по своим смысловым связям; 5) поведение, мотивированное более или менее понятной смысловой связью, прерываемой непонятными, отчасти также определяющими ее моментами; 6) поведение, мотивированное совершенно непонятными психическими и физическими данностями «в» человеке и «связанных» с ним³³. Таким образом, данная типологизация построена по принципу соотнесения действий индивида с логической моделью связи средств с целью деятельности. Такая модель есть своего рода эталон рациональности, максимально выраженный в действиях правильно-рационального (объективная рациональность) и целерационального типов. Углубляя данный вывод, Н.Н. Зарубина отмечает, что рационализация сопряжена с удвоением мира и упорядочиванием, объяснением его на основе нахождения

---

³⁰ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 604–605.

³¹ Давыдов Ю. Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. – 1996. – Вып. 6 – С.71–77.

³² Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии // Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 497.

³³ Там же. – С. 503.

трансцендентных точек, позволяющих мир оценить³⁴. Вместе с тем, данная трактовка рациональности сталкивается со значительными трудностями в интерпретации рациональности современного общества. «Текущая» современность с ее размытыми стандартами рациональности³⁵, наступление эпохи постмодерна, существенной чертой которой стала «играизация» с ее «упорядочением неупорядоченности»³⁶, утверждают детерминирующую роль случайного, сиюминутного, неупорядоченного, нестандартизированного – иррациональных факторов социальной жизни. В этих условиях исследователи вместо того, чтобы постулировать в качестве рациональности модель связи цели и средств как способ рационального измерения реальности, указывают на появление «гибридного типа рациональности»³⁷, «пострациональности»³⁸, на множественность форм рациональности и перехода рациональности в свою противоположность, на включение в поле рациональности иррациональных элементов, которые трактуются как новые формы рациональности³⁹. В контексте таких флуктуаций рациональность утрачивает свою качественную определенность, в связи с чем ее объяснительная способность как теоретической модели существенно снижается. Более того, в рамках постмодернистского дискурса с его тотальным релятивизмом наблюдается тенденция к отмене рациональности как устойчивой характеристики социальной реальности. Такая тенденция выражается в по сути бесконечном умножении не связанных друг с другом смыслов рациональности. Это порождает бессмысленность употребления

---

³⁴ Зарубина Н. Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социологические исследования. – 2009. – № 4. – С. 47–48.

³⁵ Бауман З. Текущая современность. – М., СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

³⁶ Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – С. 119.

³⁷ Там же.

³⁸ Анохин В. Б., Трошичев А. Н. Пострациональность сетевого общества // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2010. – № 1. – С. 3–8.

³⁹ Зарубина Н. Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социологические исследования. – 2009. – № 4. – С. 45.

понятия рациональности в научном контексте ввиду крайней размытости его содержания.

Но утверждение связи цели и средств как способа рационального измерения реальности также не решает проблему существенного признака рациональности. В данной версии остаются невыясненными основания, исходя из которых в качестве рациональности рассматривается логическая связь цели и средств деятельности. Таким основанием приведенные авторы называют очевидность, которая в теории В.Парето выражена в интерпретации связи цели и средств групповым социальным субъектом, в теории М.Вебера – интеллектуальном понимании смысловых связей. Проблематичность данного основания состоит в том, что такая очевидность всегда имеет культурную обусловленность: содержание очевидности является неодинаковым в различных культурных контекстах, в рамках различных исторических периодов существования и развития обществ и имеет зависимость от господствующих мировоззренческих парадигм. Данное обстоятельство приводит к утверждению многих историко-культурных типов рациональности, что в конечном итоге размывает исходный критерий рациональности (рациональность оказывается неидентичной самой себе) и создает указанную во введении теоретико-методологическую проблему.

Наиболее ясной называет трактовку рациональности как целесообразности Н.И. Лапин. По его мнению, «рациональное – это то, что непротиворечиво связывает цели и средства, и то, что открыто или доступно разуму всех разумных существ»⁴⁰. Открытость, доступность разуму, по мысли данного автора, освобождает путь к коммуникативной рациональности. Считаем, что такую доступность следует понимать как форму объективации связи цели и средств, которую объяснил В. Парето, в определении логических действий. Рациональность как целесообразность предстает у О.Т. Вите, который приводит интерпретацию рационального как

---

⁴⁰ Лапин Н. И. Проблема рациональности и перспективы развития российской социологии // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С. 77.

способа обоснования целенаправленного поведения⁴¹. «Обычным пониманием» называет трактовку рациональности как целесообразности Е.А. Мамчур: рациональной является деятельность, направленная к некоторой сознательно поставленной цели, причем для достижения этой цели используются адекватные, т.е. ведущие к этой цели, средства⁴².

Другим критерием рациональности в рамках данной версии предлагается считать факт реализации цели: «если цель достигнута, действия и средства были рациональны; если же цель не достигнута, действия не были рациональны»⁴³. Такой критерий делает невозможным рациональное соотнесение целей и средств деятельности на этапе планирования действий и, следовательно, приводит к невозможности рационального выбора средств. Действительно, достижению цели могут способствовать случайные, рефлективно не оформленные, неизвестные субъекту действия факторы, существование которых субъект не может учесть при планировании деятельности. Тем самым соотнесение целей и средств деятельности становится игрой, в которой всегда сохраняется риск выбора нецелесообразных средств.

При всей теоретической ясности данной интерпретации рациональности остается нерешенной проблема размытости исходного ее критерия, что лишает нас доказательных оснований для того, чтобы предпочесть данную версию другим. Очевидность, априорная ясность – вот ответ на вопрос о том, почему рациональность следует трактовать как целесообразность. Вместе с тем, такой ответ находится за пределами научного дискурса, так как научное знание есть знание выводное, что делает

---

⁴¹ Вите О. Т. Политический процесс как сфера иррационального действия // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С. 87–91.

⁴² Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 16.

⁴³ Никифоров А. Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 298.

его строгим и непротиворечивым. Очевидность же – категория субъективная, не основанная на научных выводах.

4. Рациональность как нормативность, стандартизованность, конвенциональность. Попытка преодолеть указанную выше трудность, возникающую при планировании деятельности, содержится в утверждении правил и норм связи цели и средств деятельности, в качестве руководства и критерия по выбору целесообразных средств⁴⁴. Совокупность норм и правил, складывающихся в процессе накопления опыта целедостижения, ценностно-ориентированного поведения, формирует стандарты связи цели и средств в различных сферах практики, маркируемые как стандарты рациональности. Такие стандарты выступают формой объективации и деиндивидуализации способов деятельности. С данной точки зрения рациональной является деятельность, в которой упомянутые стандарты воплощены, нерациональной – деятельность, в которой стандарты рациональности нарушены. В ряде случаев применяется требование логического обоснования действующей нормы, регулирующей деятельность. Так, по мнению В. Пироженко, деятельность, которая не согласуется с логически обоснованной *нормой* и не соотносится с ней, не является рациональной⁴⁵.

Рациональное как нормативное, выражающее совокупность стандартов социально-группового поведения, обслуживающих социально значимые для данного социума цели, обсуждает А.И. Ракитов⁴⁶. А.Б. Белозеров применяет определение рациональности как «совокупности общепринятых правил, стандартов, норм и ценностей на основе объективных характеристик человеческого бытия»⁴⁷. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов используют

---

⁴⁴ Там же. – С. 298–299.

⁴⁵ Пироженко В. Наукова раціональність: ціннісна норма і методологічний регулятив // Вісник Національної Академії наук України. – 2002. – №8. – С. 45.

⁴⁶ Ракитов А. И. Рациональность и теоретическое познание // Вопросы философии. – 1982. – №11. – С. 69.

⁴⁷ Белозеров А. Б. Коммуникативная рациональность в контексте постнеклассической науки // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 62.

категорию рациональности как характеристику морали, выражающую императив следования универсальным и абстрактным правилам рыночного и политического поведения, приверженность соответствующим им ценностям. Данный императив позволяет отделить рациональное поведение «как от косного обычая, так и от произвола и вседозволенности»⁴⁸.

К группе интерпретаций рациональности как нормативности следует отнести трактовку, использованную Л.Д. Гудковым. Рассматривая рациональность с точки зрения социологии культуры, данный автор связывает рациональность социального действия с наличием конвенциональных норм и правил, определяющих условия и порядок его реализации: «Рациональным мы называем такое смысловое действие, которое содержит свое собственное объяснение – конвенциональные нормы условий и порядка своей реализации, тем самым становится доступным для воспроизводства (и понимания другими)»⁴⁹. При этом утверждается множественность нормативных систем, их отнесенность к конкретным ситуациям социального действия.

Рациональность как совокупность стандартов деятельности предстает в теории макдональдизации Дж. Ритцера. Ключевыми стандартами рациональной деятельности выступают эффективность, калькулируемость, предсказуемость, технический контроль⁵⁰. Близким по смыслу к рассматриваемой версии рациональности является определение рационализма как открытого знания (доступ к которому открыт для всех). Признаком рационального знания здесь предлагается считать постоянную проверку знания посредством ясных и открытых критериев, досконально выясненных принципов. Данные критерии и принципы представляют собой

---

⁴⁸ Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. – 2003. – №5. – С. 10.

⁴⁹ Гудков Л. Д. Тотальный дизайн: от смысла жизни к стилю жизни // Материалы мастер-класса Л.Д. Гудкова. Институт Европейский культур. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iek.edu.ru/academ/algudk.htm> (дата обращения 08.06.2013).

⁵⁰ Ritzer G. The McDonaldisation of Society. – Pine Forge Press, 2000. – P. 12–15.

актуальные конвенции, которые сформировались на основе многократных проверок и с которыми согласны все применяющие то или иное знание⁵¹.

Л.В. Мурейко использует концепцию рациональности как нормативности. Рациональность связана с социальностью в том смысле, что представляет собой «организованное нормированное взаимодействие»⁵². Базисные интернализированные правила внешней социальной среды, усвоенные индивидом, являются важнейшим условием рациональности его действий. «В основе рациональности лежит определенная совокупность правил, норм, принципов, которые приняты в рамках социума, общезначимы для его членов и которые в конечном счете являются социально значимыми для определенных целей»⁵³. Как отмечает данный автор, «сегодня рациональность уже мало кем сводится лишь к рефлектирующему разуму, ведь логичность, упорядоченность действий человека в конечном счете базируется на нормативной социальности»⁵⁴.

Вместе с тем, данная версия рациональности, как и предыдущая, не лишена проблематичности основания рациональности, связанной с историко-культурной обусловленностью ее стандартов и норм. Содержание коллективного опыта, в контексте которого формируются указанные стандарты, является неодинаковым не только в различные периоды существования и развития обществ, в различных культурных типах

---

⁵¹ Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества. – М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997. – С. 26– 27.

⁵² Мурейко Л. В. Практическая рациональность: к проблеме массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 113.

⁵³ Мурейко Л. В. К проблеме рациональности массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 128.

⁵⁴ Мурейко Л. В. Практическая рациональность: к проблеме массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. – С.121.

(выделяют западный и восточный типы рациональности⁵⁵), но и в массовом сознании различных социальных общностей и групп, существующих в современных обществах. На данное обстоятельство справедливо указывает Н.Н. Зарубина на примере макдональдизации: «Макдональдизация, как любая форма рационализации, является продуктом социокультурного развития, для нее необходимы соответствующие социально-культурные предпосылки, и при их отсутствии акторы оказываются не готовы к специфическим принципам макдональдизированных практик. Привыкшие к действиям по типам практической или ценностной рациональности индивиды ожидают от них иных результатов, не умеют правильно пользоваться их преимуществами и соблюдать необходимые условия»⁵⁶. Тем самым, в данном понимании рациональность имеет выраженный социально-групповой характер, обслуживает цели и ценности разных ассоциаций индивидов и является плюралистической по содержанию, так как упомянутые цели и ценности социальных групп существенно различаются. Это вновь приводит к размыванию критерия рациональности и утверждению бесконечного количества ее версий.

5. Рациональность как законосообразность. Законосообразность во мнениях исследователей предстает как соответствие наблюдаемых явлений, процессов, действий объективным законам, о существовании которых известно. При этом рациональность в значении законосообразности обсуждается как в гносеологическом, так и онтологическом аспектах. В гносеологическом аспекте рациональность выражает соответствие рассуждений законам правильного мышления (законам логики). В данном аспекте рациональность интерпретируют Н.С. Мудрагей, Т.И. Ойзерман, А.Н. Черная и др., определяя ее как логически обоснованное, теоретически

---

⁵⁵ Мартишина Н. И. Рациональность и научность: к определению соотношения понятий // Философия науки / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. — 2000. — №2. — С. 21–25.

⁵⁶ Зарубина Н. Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социологические исследования. — 2009. — № 4. — С. 43– 44.

осознанное, максимально исключая эмоции, систематизированное знание предмета⁵⁷. Иррациональным в данном случае считается знание, содержащее логические ошибки, т.е. не соответствующее законам правильного мышления.

В онтологическом аспекте рациональность есть соответствие процессов жизни и практики законам природы и общества. Так, В.Д. Комаров, исследуя технологический процесс, одним из смыслов рациональности считает законосообразность как соответствие технологического процесса законам природы⁵⁸. Н.С. Мудрагей определяет рациональность в онтологическом смысле как «предмет, явление, действие, в основании которых лежит закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность»⁵⁹. При обсуждении рациональности культуры Т.А. Феньвеш приходит к выводу, что такая рациональность определяется адекватностью способа существования конкретного общества законам взаимодействия общества и природы. С этой точки зрения к рациональным моментам культуры относятся проявления, которые способствуют осуществлению тенденций культуры к воспроизводству, расширению и развитию, успешной конкуренции с другими культурами⁶⁰. По мнению Н.Н. Моисеева, мерой рациональности общественной организации выступает степень согласованности стратегии общества и логики развития Природы⁶¹. Н.Е. Покровский, рассматривая глобалистские модели культуры и общества, указывает на возникновение

---

⁵⁷ Мудрагей Н. С. Очерки истории западноевропейского иррационализма. – М., 2002. – С. 5; Черная А. Н. Взаимосвязь рационального и иррационального в концепции философии истории А. Тойнби // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 2. – С.135.

⁵⁸ Комаров В. Д. Технологическая рациональность и особенности технологических наук // Научная рациональность: возможности диалога. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009. – С. 49–50.

⁵⁹ Мудрагей Н. С. Очерки истории западно-европейского иррационализма. – М., 2002. – С. 5.

⁶⁰ Феньвеш Т. А. Социально-антропологические аспекты рациональности в контексте философии русского космизма // Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности: монография. – Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2010. – С. 49.

⁶¹ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М., 1998. – С. 188.

новой концепции рациональности как общую черту таких моделей. Данная концепция связана с утверждением новых культурных ценностей, санкционирующих «свободу самовыражения многообразия», и устанавливает соответствие культурных изменений закономерностям глобализационных процессов и тем новым реалиям, которые в их результате появляются⁶².

Таким образом, рациональность в значении законосообразности предстает как совокупность рассуждений, явлений и фактов, способов поведения, выражающих действие объективных законов. Здесь оппозиция «рациональное – иррациональное» становится близкой категориям порядка и хаоса (беспорядка), где порядок есть воплощение рациональности, а хаос представляет собой непредсказуемую индетерминированную стихию иррационального. В социуме порядок конституирован законосообразными формами социальности, обнаруживает свойства повторяемости и самовоспроизводимости данных форм, в то время как социальный беспорядок (хаос) связан с возникновением случайных комбинаций социальных сил, явлением дисфункции в социальной системе, возникновением непрогнозируемых и непредсказуемых последствий рациональных социальных практик. Примером рациональности в данном значении служит такая исторически сложившаяся форма социальности, как бюрократия. Вместе с тем, будучи воплощением формальной рациональности и поэтому олицетворяя собой порядок и целесообразность, бюрократия способна продуцировать сущностно иррациональные результаты. Как отмечает Р. Коллинз, нередко такие результаты оказываются расточительными и создают новые проблемы: «Программы, проектируемые для уменьшения безработицы, могут продуцировать инфляцию;

---

⁶² Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // Социологические исследования. – 2000. – №6. – С. 8.

постановления, проектируемые для увеличения безопасности, могут вызывать разрушительные расходы и снижать производительность»⁶³.

Данная интерпретация рациональности несвободна от ограничений, препятствующих построению общей ее теории. Так, понятие законосообразности в гносеологическом и онтологическом аспектах утверждает различные трактовки рациональности: в первом случае рациональность есть характеристика познавательных процессов, во втором – фундаментальное свойство социальных систем. При этом данные теоретические инструменты во многих случаях не дают эффективного способа интерпретации рациональности социального поведения индивидов и групп в конкретных обществах. Как показал А. Шютц, в повседневной социальной жизни индивиды руководствуются не столько логически выверенными достоверными знаниями, сколько типическими представлениями и предположениями, догадками о действительности, в которых имеются разрывы, пробелы, пропуски⁶⁴. Другое ограничение состоит в зависимости рациональности от актуального уровня человеческих знаний: явления и связи, обусловленные еще неизвестными законами существования и развития реальности, должны считаться иррациональными. С этой точки зрения рациональность в данной версии есть характеристика актуального состояния познания как процесса отражения реальности.

6. Рациональность как эффективность. В научных текстах, обсуждающих проблему рациональности, нередко производится смешение таких ее критериев, как целесообразность и эффективность. При подробном рассмотрении данные критерии оказываются не идентичными. Так, целесообразность как максимальное соответствие целей и средств их достижения представляет собой идеально-типическую модель, выражающую

---

⁶³ Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. – М., 2004. – С. 406.

⁶⁴ Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 172–174.

логическую связь цели и средств ее достижения. Такая модель предполагает абстрагирование от контекста, в котором происходит процесс достижения цели, от конкретных его условий, вмешательство которых определяется как помехи, приводящие к отклонению от рациональной нормы действия. Категория эффективности, напротив, выражает связь выбора средств деятельности и контекста его осуществления, предполагает учет средовых факторов – реальных условий, в которых происходит целедостижение. Так, Р.Д. Хунагов, исследуя рациональность организационных структур современного общества, определяет ее как характеристику соответствия целей и структуры организации потребностям общества и параметрам среды. При этом указанное соответствие выражено в понятии эффективности: «насколько эффективно данный тип организационной структуры реализует свои цели в данных условиях среды»⁶⁵. Сквозь призму такого подхода данный автор определяет тезис М. Вебера о рациональности бюрократических структур как не соответствующий современной действительности. Современные социальные организации действуют в условиях сложной дифференцированной изменчивой среды, требующей ориентации организационной структуры на творчество и инновации, в то время как бюрократия, основанная на опыте и рутине, может быть эффективна только в условиях недифференцированной и относительно стабильной среды. В связи с этим «механизм, регулирующий отношения и функционирование организаций бюрократического типа, хотя он до сих пор доминирует в обществе, включая Россию, не может считаться рациональным»⁶⁶.

Рациональность как проблему эффективности организационных структур обсуждает и Н. Генон, рассматривая ее на примере трансформации

---

⁶⁵ Хунагов Р. Д. Проблема рациональности организационных структур // Социологические исследования. – 1995. – №7. – С. 123.

⁶⁶ Там же. – С. 130.

организационных структур в странах Восточной Европы в конце XX в.⁶⁷ Такая трансформация выразилась в повышении эффективности функционирования экономических организаций за счет перехода от долгосрочной рациональности централизованного экономического планирования и авторитарного политического управления к краткосрочной рациональности рыночной экономики и демократического управления. При этом указанная трансформация в разных восточно-европейских странах была достигнута различными способами, что было обусловлено конкретными экономическими, историческими, политическими и иными условиями, сложившимися в этих странах. Н. Генов также указывает на ограниченность теории рационализации М. Вебера, которая состоит в том, что последняя должна рассматриваться как инструмент анализа конкретной исторической ситуации цивилизационного прорыва капитализма в западно-европейских странах, а не как общая теория социальной рационализации.

Рациональность в значении эффективности обсуждается в контексте теории рационального выбора. Так, Р. Швери, осуществляя аналитический обзор теорий рационального выбора, справедливо отмечает, что проблема рационального выбора в общем виде трактуется как определение наилучшего варианта действий по достижению цели при ограниченных ресурсах⁶⁸. Ограниченность ресурсов выступает как средовое условие, в котором осуществляется выбор средств целедостижения. В процессе учета данного условия идеально-типическая модель целесообразности применяется в конкретной практике для выбора наиболее эффективных средств достижения цели. При этом, как указывает данный автор, происходит размывание границ между экономическим и социальным поведением. Последнее обстоятельство также отличает рациональность в значении эффективности от рациональности в значении целесообразности. Рациональность как

---

⁶⁷ Генов Н. Организационная рационализация в Восточной Европе: достижения и пределы // Социологические исследования. – 2007. – №11. – С. 12–22.

⁶⁸ Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. – №2. – 1995. – С. 43.

эффективность предполагает учет и экспликацию субъективных и социальных факторов, принятие во внимание которых влечет отклонение от рациональной нормы действия (целесообразности) и, следовательно, проблематизирует достижение цели. Сходные характеристики теории рационального выбора приводит В.П. Култыгин. «В самом общем виде, – обобщает данный автор, – сущность методологического подхода, предлагаемого теорией рационального выбора, состоит в том, что социальная среда, социальная ситуация структурируют альтернативы, имеющиеся перед акторами, будь то индивиды или группы, и оказывают решающее влияние на принимаемые акторами решения. При этом стратегии избранного поведения объясняются преимущественно с помощью контекста ограничений и возможностей, в рамках которых и осуществляется выбор конкретной стратегии»⁶⁹. Рациональность в значении эффективности Т. Парсонс называет простейшим и наиболее распространенным пониманием рациональности. Согласно его мнению, «действие рационально в той мере, в которой оно преследует цели, достигаемые в условиях данной ситуации и при помощи наиболее подходящих средств, которыми располагает актер»⁷⁰. А. Шютц также указывает, что данная трактовка, приведенная Парсонсом, раскрывает то, что обычно понимается под рациональностью действия⁷¹. Эффективность и целесообразность тесно переплетены в интерпретации рациональности И.Ф. Девятко. Рациональность действия определяется устанавливаемым с помощью рассудка соотношением между интенцией и средствами, избираемыми с точки зрения имеющихся у действующего субъекта знаний, объективных возможностей и средств⁷². Рациональность рассматривается как эффективность М. Олсоном, применяющим

---

⁶⁹ Култыгин В. П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. – 2004. – №1.

⁷⁰ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002 – С. 112–113.

⁷¹ Schutz A. The Problem of Rationality in the Social World // *Economica*. L. – 1943. – Vol. 10. – № 38 (May). – P. 130.

⁷² Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М.: Аванти плюс, 2003. – С. 87.

экономическую ее интерпретацию. Рациональность усматривается им там, где цели деятельности достигаются с помощью средств, эффективных в каждом конкретном случае⁷³.

Тем самым, рациональность в значении эффективности предстает как способность избранных действий, средств и структур обеспечить достижение цели в конкретных условиях среды.

7. Рациональность как способность к целеполаганию. Такая способность постулируется как отличительное свойство Homo Sapiens, маркирующее явление человеческого разума. Критерий способности к целеполаганию отличает специфический вид человеческой активности (деятельность) от активности иных жизненных форм. Данный критерий приводит К. Маркс, рассматривая деятельность как активность, предполагающую предвосхищение результата труда в сознании деятеля⁷⁴. В этой связи А.Г. Здравомыслов совершенно справедливо указал, что, изучая принцип рациональности в истории социологической мысли, необходимо рассмотреть его трактовку у Маркса, которая была предложена за несколько десятилетий до М. Вебера⁷⁵.

В данном смысле критерий рациональности обсуждает В.С. Швырев. Существенным признаком рациональности, по мнению данного автора, выступают «специальные усилия сознания субъекта по анализу соразмерности его позиции той реальной ситуации, в которой он находится, что предполагает самостоятельное построение «идеального плана» действий, ориентированного на реальную ситуацию»⁷⁶. Такой анализ соразмерности представляет собой рефлексивный контроль, направленный на соотнесение «идеального плана» действия и собственно действия как реально

---

⁷³ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М.: ФЭИ, 1995. – С. 59.

⁷⁴ Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т.23. – 1960. – С. 189.

⁷⁵ Здравомыслов А. Г. Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С. 21.

⁷⁶ Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М., Прогресс-Традиция, 2003. – С. 42–43.

осуществляемого акта. Рациональность с построением в сознании идеальных объектов связывает С.В. Маслова: рациональность характеризуется способностью мышления создавать особый мир идеальных объектов и превращать его в предмет деятельности, руководствуясь принципом тождества бытия и мышления⁷⁷.

Таким образом, рациональность в данной версии предстает как характеристика человеческой деятельности, проявленная в способности человека в целеполаганию, построению идеального плана действий в его соотнесенности с целью и условиями среды.

8. Рациональность как характеристика действующих социальных субъектов, состоящая в их способности свободно и самостоятельно управлять своим поведением, действовать автономно. Так, по мнению Т. Парсонса, общей для большинства попыток формулирования определения рациональности была точка зрения, согласно которой действие рационально в той мере, в которой его можно понимать в качестве управляемого со стороны актора на основе позитивного знания условий среды⁷⁸. Согласно точке зрения В.С. Швырева, рациональность, понимаемая как самостоятельное построение субъектом «идеального плана» действий, характеризует активное отношение субъекта к миру, его свободу выбора альтернатив поведения. Такая свобода «противостоит всякого рода автоматизму внешней детерминации, когда субъект выступает пассивным реципиентом воздействующих на его ментальность сил (автоматизм непосредственной инстинктообразной реакции, действия по привычке, по штампу, под влиянием традиции и авторитета и пр.)»⁷⁹. Тем самым, рациональным является автономный автор, обладающий свободой выбора

---

⁷⁷ Маслова С. В. Рациональность постмодерна как фактор формирования мифоразрушительной и мифосозидательной тенденций в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 301. – С. 41.

⁷⁸ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002. – С. 112.

⁷⁹ Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М., Прогресс-Традиция, 2003. – С. 45.

поведения. Рационализация в данном понимании предполагает «возможность представления проблемной ситуации извне, моделирование ее в целом в идеальном плане, опредмечивание собственной позиции в результате такого моделирования – известный тезис о «выделении себя из мира» – и проектирование различных вариантов движения в рамках модели проблемной ситуации»⁸⁰.

В рамках данной интерпретации рациональности вызывает сомнение тезис о свободном авторе, самостоятельно управляющем собственным поведением. Автономность автора (выделение себя из мира) предполагает позицию идеального (абсолютного) наблюдателя, не зависящего от контекста своей деятельности. При этом источником рационализации признается когнитивная сфера субъекта. Такой наблюдатель «поставил себя вне социального мира с его многообразными отношениями и системой интересов»⁸¹. Вместе с тем, как справедливо отмечает Н.М. Смирнова, такая модель игнорирует включенность субъекта «в структуры жизненного мира», его несвободу «от предпосылок, обусловленных его социально-групповым положением»⁸². Столь же справедливо, на наш взгляд, замечание Р. Рорти: «Что мы не можем и в самом деле сделать, так это подняться над всеми человеческими сообществами, реальными и потенциальными. У нас нет такого небесного крюка, который смог бы поднять нас от простого согласия по поводу чего-либо до чего-то подобного соответствию с реальностью, как она есть сама по себе»⁸³. Тем самым, подобного рода абсолютный наблюдатель представляет собой идеальную модель, которой нет места в

---

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 181.

⁸² Смирнова Н. М. Рациональность социального знания: когнитивный нормативизм и стратегии интерпретации // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. С. 208–209.

⁸³ Rorty R. Science as Solidarity // Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. – Cambridge, 1991. – P. 38

реальной практике. Существование независимого наблюдателя подвергается сомнению многими исследователями⁸⁴. Позиция абсолютного наблюдателя, таким образом, есть точка наблюдения, вынесенная за пределы социальной и биологической реальностей. Учитывая укорененность субъекта в жизненных и социально-групповых структурах, существование такой точки наблюдения следует признать невозможным (по мнению И.В. Черниковой, данная невозможность обусловлена фактом единства мира, неотъемлемой частью которого является человек⁸⁵). Поэтому любое наблюдение за социальным объектом есть включенное наблюдение. Данный тезис получил обсуждение в социологии еще 40 лет назад в связи с применением принципа дополнительности в познании социальных объектов. Согласно выводам, сделанным Я.С. Алексеевым и Ф.М. Бородкиным, «объектом исследования оказывается уже не сама по себе реальность, существующая независимо от наблюдателя, а система, состоящая из объекта (в классическом смысле) и условий наблюдения, под которыми мы понимаем совокупность процедур измерения, включая методы и средства измерения, а также собственно наблюдателя (исследователя), связанного с наблюдаемой системой»⁸⁶.

Мы привели наиболее распространенные интерпретации рациональности, использующиеся в социологии. Наряду с этим существуют попытки объединения нескольких характеристик рациональности в рамках одного общего определения. Так, Д.Е. Карташев, изучая рациональность как социальный феномен, определяет ее как особую установку сознательной деятельности, для которой характерны такие свойства, как логичность,

---

⁸⁴ Кохановский В. П. Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – С. 121; Моисеев Н. Н. Современный рационализм. – М., 1995. – С. 58–59; Патнэм Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998. – С. 475.

⁸⁵ Черникова И. В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2004. – №6. – С. 94–103.

⁸⁶ Алексеев Я. С., Бородкин Ф. М., Принцип дополнительности в социологии // Социология и математика. Моделирование социальных процессов. – М., 1970. – С. 41.

целесообразность, упорядоченность и системность⁸⁷. S. Lindenberg рассматривает рациональность как характеристику человеческого поведения (а также метод его оценки), включающую шесть элементов: находчивость (активность в отношении поиска и достижения желаемых состояний), ограниченность (осуществление выбора в контексте ограниченных возможностей целедостижения), ожидание (экспектации относительно происходящих событий), оценка (рассмотрение различных состояний действительности с ценностной точки зрения), мотивированность (стремление к достижению состояний, имеющих более высокую оценку по сравнению с теми, в которых человек находится; целеполагание), осмысленность (ориентация в возникающих ситуациях на основе имеющегося знания, поиск нового знания в новых, непредвиденных ситуациях)⁸⁸. А.И. Пригожин, обсуждая рациональность как особенность формальных организаций, понимает под ней осознанность, целесообразность, логическую упорядоченность⁸⁹. Вместе с тем, основания таких попыток синтеза остаются проблематичными: выбор характеристик является в известном смысле произвольным и не исчерпывает всех возможных интерпретаций рациональности.

В феноменологической трактовке различены рациональность как методологический принцип («постулат рациональности»), применяемый на теоретическом уровне научного наблюдения за социальной жизнью, и рационализация как процесс прогрессивной типизации, структурирующий социальный мир индивидов⁹⁰. На уровне научного наблюдения принцип рациональности выражен в трех интерпретациях рациональности: как

---

⁸⁷ Карташев Д. Е. Рациональность как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук, специальность 09.00.11 – Социальная философия. – Саранск, 2009. – С. 11.

⁸⁸ Lindenberg, S. Social rationality versus rational egoism // Turner, J. (ed.) Handbook of Sociological Theory. – New York: Kluwer Academic/Plenum, 2001. – P. 635–636.

⁸⁹ Пригожин А. И. Современная социология организаций. – М.: Интерфакс, 1995. – С. 96.

⁹⁰ Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – С.171, 179–181, 187–188.

законосообразности в гносеологическом аспекте (соответствие действий актора принципам формальной логики), как знания, воспринимаемого актором ясно и различимо и выступающего предварительным условием рационального выбора, и как эффективности, характеризующей выбор актора, отбирающего из доступных ему средств одно, наиболее подходящее для реализации преследуемой цели. В данных интерпретациях рациональность представляет собой идеально-типические конструкции, необходимые для наблюдения за социальной жизнью. На уровне повседневной жизни рационализация есть трансформация неконтролируемого и непостижимого мира в структуру, которую индивид может понять, контролировать и предсказать. Такая рационализация, как отмечает А. Шютц, близка по своему значению к веберовскому «расколдовыванию мира»⁹¹. Нетрудно заметить, что рациональность в приведенной интерпретации имеет различные трактовки, не сводимые друг к другу. Таким образом, проблема универсальной дефиниции рациональности в феноменологической версии, как и в других, обсужденных выше, остается нерешенной.

Наконец, существует точка зрения, согласно которой понятие рациональности является псевдопредметным: оно характеризует не свойства предмета, а ценностное отношение к нему⁹². Рациональность предстает как конструкт, выражающий оценку субъектом объекта. Здесь, как отмечают И.Т. Касавин и З.А. Сокулер, оппозиция «рациональное-иррациональное» соответствует оппозиции «свое-чужое»⁹³. Рациональное выступает как «свое», выражает положительную оценку, фиксирует факт соответствия того или иного объекта актуальной системе ценностей; иррациональное – как «чужое», выражающее, соответственно, отрицательную оценку объекта.

---

⁹¹ Там же. – С. 171.

⁹² Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. – М.: Наука, 1989. – С. 30.

⁹³ Там же. – С.32–34.

Указанные интерпретации приведены во многих современных социологических текстах, отечественных и зарубежных словарях по социологии и при этом не исчерпывают всех возможных проблематизаций рациональности. Данные интерпретации и их различные комбинации выступают содержаниями актуальных концепций рациональности, обсуждаются в рамках тематических дискуссий на страницах отечественных и зарубежных научных журналов. Проблеме рациональности посвящен тематический выпуск «Рациональность и власть» журнала «Вопросы социологии» №6 за 1996 г., в котором приняли участие А.Г. Здравомыслов, Ю.Н. Давыдов, Н.И. Лапин, В.С. Дудченко, В.П. Култыгин, А.А. Возьмитель, Т.И. Заславская, Н.И. Покровский и другие авторы. Постоянно действующей площадкой, обсуждающей проблемы рациональности, выступает журнал «Rationality and Society», выходящий в издательстве «Sage Publications» (Великобритания). Среди авторов данного журнала – А. Grandori, M. Boumans, J. Elster, G. Mehlkop, P. Graeff, I. Back, A. Flache, J. Weesie, C. Snijders, V. Buskens, C. Kroneberg, M. Yaish, V. Stocké, P. Stone, H. Gintis и др.

Подводя итог, заметим, что рациональность в различных ее интерпретациях обсуждается как характеристика самых разных содержаний реальности – теоретической и практической деятельности, сознания, опыта, социального действия, процесса познания и пр. При этом авторы не приводят достаточных аргументов, доказывающих, почему именно данное содержание должно быть выбрано в качестве существенного признака рациональности.

Различные интерпретации рациональности способны создавать конфликтные отношения, что размывает качественную определенность рациональности. Так, приведенные выше трактовки рациональности существенным образом отличаются друг от друга, что существенно затрудняет их операциональное использование. Логическая связь цели и средств деятельности не обуславливает с необходимостью высокую степень эффективности последней. Напротив, эффективность упомянутой связи не всегда является предметом осознания и, значит, может существовать как

неоформленное и случайное содержание. Как справедливо отмечает Н.И. Мартишина, «человек может совершить действие, оптимальное в определенной ситуации, и без участия разума, рефлекторно»⁹⁴. Следование стандартам деятельности как воплощению рациональности не обязательно представляет собой эффективный способ достижения цели. Напротив, выход за пределы стандартов рациональности (иррациональное действие) может быть более эффективным, чем следование таковым (нормативность социальной организации может вступать в конфликт с требованием эффективности, особенно если нормативные практики целедостижения не обеспечены в данном обществе доступными институциональными условиями их реализации). Законосообразность того или иного социального явления, действия и другого не есть с необходимостью предмет осознания и может не иметь артикулированности в рефлексивном поле действующего субъекта. Упорядоченность и непротиворечивость как характеристики социальной организации не гарантируют реализацию принципа законосообразности ее деятельности: такая упорядоченность способна вступать в противоречие с объективно изменившимися средовыми условиями организации, требующими изменения установленного порядка. Следовательно, иррациональное может оказаться рациональным и наоборот. На подобные противоречия в трактовках рациональности справедливо указывают И.Т. Касавин и З.В. Сокулер⁹⁵. В связи с этим выводом, маркирующим современное состояние проблемы рациональности, может служить тезис И.Т. Касавина о том, что «единственное, пожалуй, общепризнанное заключение по поводу проблемы рациональности состоит в признании ее дискуссионности»⁹⁶.

---

⁹⁴ Мартишина Н. И. Рациональность и научность: к определению соотношения понятий // Философия науки / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. – 2000. – №2. – С. 21–25.

⁹⁵ Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. – М.: Наука, 1989. – С. 8.

⁹⁶ Касавин И. Т. О ситуациях проблематизации рациональности // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – С. 187–208.

§2. ДЕФИНИЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИАТРОПИЧЕСКОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Во всяком исследовании должно присутствовать некоторое теоретическое содержание, так или иначе связанное с трактовкой рациональности.

Ю.Н. Давыдов

Анализ существующих определений рациональности показывает, что во мнениях исследователей проявлены три способа проблематизации рациональности (под «способами проблематизации рациональности» мы имеем в виду модели дефиниции, различающиеся способами группировки признаков рациональности). Первый состоит в выделении одного частного содержания реальности (законсообразности, целесообразности, нормативности, эффективности и др.), которое утверждается как существенный признак последней. Второй предполагает произвольное объединение нескольких содержательных аспектов реальности (знаний, опыта, деятельности и т.д.) в общий критерий рациональности, выступающий продуктом синтеза данных аспектов. Третий способ выражен в утверждении одновременного существования нескольких не сводимых друг к другу интерпретаций рациональности, в основе которых лежат разные содержательные аспекты реальности (как это сделано в феноменологической версии А. Шютца).

В рамках приведенных моделей дефиниции не решен вопрос об обоснованности сведения рациональности к тем или иным из упомянутых признаков или их комплексам: выбор признаков является в известном смысле произвольным и не исчерпывает всех возможных интерпретаций рациональности. Исследователи, как правило, не обсуждают вопрос о том, почему под рациональностью следует понимать те или иные содержания реальности или их синтез. В лучшем случае имеют место апелляции к здравому смыслу или к научной традиции, связанной с именами классиков социологии. Наряду с этим общей для всех моделей является попытка

изыскать критерий рациональности в частных содержаниях реальности. При этом перечисленные подходы к определению рациональности убедительно показывают, что рассмотрение в качестве признаков рациональности частных содержаний реальности не приводит к теоретическому синтезу, а, напротив, сегментирует обсуждаемое содержательное поле, углубляя конфликтность различных версий рациональности. В этой связи закономерно, что содержание понятия «рациональность» выглядит крайне размытым и неопределенным. Таким образом, в рамках существующих моделей дефиниции рациональности не решены две проблемы: проблема обоснованности приписывания рациональности того или иного признака и проблема содержания критериев рациональности, в качестве которых выступают частные содержания опыта, деятельности, сознания, социальной жизни.

В данных обстоятельствах представляется эффективным применение модели дефиниции, основанной на теоретических принципах постнеклассической социологии, опирающейся на современные познавательные модели. Среди требований к такой модели ключевыми являются возможность доказательного обоснования существенных признаков рациональности, а также нахождение критерия рациональности вне частных содержаний опыта, знаний, деятельности и других аспектов реальности. Для осуществления этих требований в условиях плюрализма и конфликтности версий рациональности целесообразно использовать диатропическую познавательную модель, которая делает акцент на общих свойствах разнообразий.

Как познавательная модель диатропика предполагает сопоставление рядов элементов, позволяющее выявить инвариантные их свойства – рефрены, как вслед за С.В. Мейеном маркирует их Ю.В. Чайковский⁹⁷. В социологии диатропическую познавательную модель успешно применил В.Г.

---

⁹⁷ Чайковский Ю. В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь. – 1992. – №1. – С. 66.

Немировский, сформулировав на ее основе диатропический принцип минимального универсума, выражающий минимальное количество характеристик, необходимых для описания любой развивающейся системы⁹⁸. Для осуществления ключевой операции диатропики – сопоставления рядов⁹⁹ – создадим ряды, элементами которых станут все существующие определения рациональности, независимо от их смыслового содержания. При этом в соответствии с социологической точкой зрения каждое определение будем рассматривать как социальный объект, конституированный на основе принципа дополнительности: имеет место, с одной стороны, познающий субъект (исследователь), укорененный в жизненных и социально-групповых структурах, с другой – явления и связи, составляющие предмет его рассмотрения. Тем самым определение рациональности предстает не просто как логическая операция, раскрывающая содержание данного понятия, но как факт осознания реальности сквозь призму собственных онтологических и социальных характеристик субъекта. Такое сопоставление рядов определений показывает, что любое определение рациональности как факт осознания реальности с необходимостью предполагает *вербальную рефлексивную деятельность* социального субъекта и выступает как ее результат (под рефлексией в общем виде понимается осознание практики, мира культуры и ее модусов¹⁰⁰). Рефлексия, осуществляемая социальным субъектом, выступает как *форма, проявленная в любом определении рациональности*, позволяющая абстрагироваться от конкретных содержаний, артикулированных в конфликтующих определениях рациональности. Данный вывод не принципиально новый в гуманитарных и социальных науках: многие авторы связывают рациональность с рефлексивностью. Н.С.

---

⁹⁸ Немировский В. Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития // Социология. – Минск. 2004. – № 1. – С. 39–49.

⁹⁹ Чайковский Ю. В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь. – 1992. – №1. – С. 64.

¹⁰⁰ Огурцов А. П. Рефлексия // Новейшая философская энциклопедия / Институт философии РАН [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2579.html>. Дата обращения: 08.06.2013.

Мудрагей, различая рациональное и иррациональное, иррациональным называет содержание, находящееся за пределами сферы рефлексии¹⁰¹. В.С. Швырев предлагает считать маркером рациональности рефлексивный контроль, представляющий собой анализ соразмерности позиции субъекта и реальной ситуации, в которой он находится, что предполагает самостоятельное построение «идеального плана» действий¹⁰². Н.А. Демина и А.П. Павлов указывают на увеличение рефлексивности как на характерную черту «новой современности». Такое увеличение делает актуальным планом социальной жизни множественность систем описания действительности, их соотношение, конфликт. Данное обстоятельство авторы выражают в понятии «рефлексивная рациональность новой современности»¹⁰³. Ch. Korsgaard обсуждает рефлексивную структуру сознания рационального агента, которая позволяет последнему обращаться к осмыслению как мира, так и собственных умственных состояний (mental states), обусловленных его взаимодействием с миром¹⁰⁴. Рациональность и рефлексивность тесно связаны в теории структуризации Э. Гидденса. Рационализацию действия данный автор, по сути, трактует как рефлексию: речь идет о «теоретических представлениях» социальных акторов о мотивах собственных действий и способности объяснить то, что они делают¹⁰⁵. А.Н. Черная, основываясь на точке зрения Н.С. Мудраей и Т.И. Ойзермана, полагает, что рационализированным является объект рефлексии, так как он обработан логически-категориальным аппаратом и освоен мыслительно-понятийным

---

¹⁰¹ Мудрагей Н. С. Очерки истории западно-европейского иррационализма. – М., 2002. – С. 5.

¹⁰² Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 42–43.

¹⁰³ Демина Н. А., Павлов А.П. Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14): в 4-х ч. – Ч. II. – С. 74.

¹⁰⁴ Korsgaard Christine M. The Sources of Normativity. – New York: Cambridge University Press, 1996. – P. 92–100.

¹⁰⁵ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 44.

образом¹⁰⁶. Рациональность и рефлексивность связывает также Н.И. Мартишина. С данной точки зрения она определяет ценностно-рациональное и целерациональные типы социального действия, выделенные М. Вебером, как рефлексивность над процессом и рефлексивность над результатом деятельности соответственно¹⁰⁷. Б.С. Сивиринов, рассматривая социальную рациональность как функцию активности и отдельного человека, и общественных образований, указывает, что рациональность связана с познавательной, рефлексивной деятельностью индивидов и социальных целостностей¹⁰⁸. Данный ряд ссылок может быть продолжен.

Рефлексивность в различных ее определениях объясняется через признаки теоретической осознанности (осмысленности), самообращенности субъекта, позиционности (наличие дистанции между позициями субъекта и рефлексивного содержания). Не требует специального доказывания тот факт, что способность к рефлексивности, предполагающей применение вербально-логических инструментов, служит социальным качеством субъекта и не может быть осуществлена за пределами социальной реальности. Вместе с тем, считаем необходимым уточнить приведенные признаки для более эффективного их применения. Обобщая различные подходы к определению рефлексивности, ее существенными признаками предлагаем считать:

1) вербальную выраженность: осознание предполагает вербальную оформленность осознаваемого содержания;

2) логизированность. Рефлексивность как процесс осознания всегда связана с использованием логического инструментария – применением понятий, суждений, умозаключений. При этом тезис о том, что рефлексивность предполагает применение логически-категориального аппарата, освоение

---

¹⁰⁶ Черная А. Н. Взаимосвязь рационального и иррационального в концепции философии истории А. Тойнби // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 2. – С.136.

¹⁰⁷ Мартишина Н. И. Рациональность и научность: к определению соотношения понятий // Философия науки / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. – 2000. – N 2. – С. 21–25.

¹⁰⁸ Сивиринов Б. С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. – 2003. – №4. – С. 3.

объектов понятийно-мыслительным образом, требует уточнения. При всей справедливости такой точки зрения ее эвристическую ценность существенно снижает критерий законосообразности в гносеологическом плане (как соответствие использования логически-категориального аппарата законам логики), применяемый авторами, солидарными с данной интерпретацией. Основанием для применения указанного критерия выступает представление о соответствии деятельности сознания законам логики как о репрезентации разума. Тем самым, практика осознания, построенная с нарушением логических законов, выходит за пределы разума и маркируется как нерациональность. Но в этом случае происходит существенное сужение объема класса объектов, составляющих разумное, и оказывается совершенно размыт существенный признак неразумности. Так, в класс явлений неразумности попадают как формы чувственного познания, так и формы опосредованного отражения действительности (вербально-логические конструкции, построенные с нарушением законов правильного мышления). Однако различие между данными формами имеет принципиальный характер. В отличие от чувственных форм, отражающих действительность непосредственно, формы опосредованного отражения предполагают использование вербально-логических инструментов как способа выражения смысла, эксплицируемого через установление связи между понятиями. Оперирование вербально-логическими инструментами есть признак мыслительной деятельности и, следовательно, является признаком разумности независимо от наличия в практике такого оперирования логических ошибок. Исключение составляет синдром бессвязной речи, имеющий место при помрачении сознания (при бессвязной речи больные произносят фразы, не содержащие смысла, отдельные слова не имеют связи друг с другом¹⁰⁹). Здесь мы можем повторить вслед за Дж. Сёрлем, что «любые мысль, язык и, следовательно, рассуждение предполагают наличие

---

¹⁰⁹ Руководство по психиатрии: 2 т. Т.1 / А.С. Тиганов, А.В. Снежневский, Д.Д. Орловская и др.; под ред. А.С. Тиганова. – М.: Медицина, 1999. – С. 55.

рациональности»¹¹⁰. Указанный признак разумности целесообразно маркировать термином «логизация», обозначающим смысловое оформление содержаний реальности посредством вербально-логических инструментов. Отсутствие признака законосообразности отличает логизированное от логического;

3) интенциональность: логизация и вербализация всегда направлены на конкретное содержание реальности и невозможны вне этого содержания. В качестве содержания логизации могут выступать любые объекты реальности, через которые субъект осознает собственные действия и их основания, в т.ч. сама логизация. Тем самым рефлексивный акт всегда есть единство логизации и логизируемого содержания.

Таким образом, под рефлексией в данной работе мы будем понимать деятельность социальных акторов по осознанию содержаний реальности в единстве трех характеристик данной деятельности: вербализованности, логизированности, интенциональности, на что имеются достаточные основания.

Таким образом, предложенная модель дефиниции предполагает сопоставление определений рациональности как социальных объектов, что дает возможность выявить общий признак, свойственный всем единицам наблюдения. Применение этой модели позволяет утверждать, что инвариантным признаком, присутствующим во всех определениях рациональности, выступает *рефлексивная оформленность содержаний реальности*. Данный признак следует считать существенным признаком класса рациональных явлений, отличающим данный класс от явлений иррационального (выходящего за пределы рефлексивной оформленности). Сходный критерий различения рационального и иррационального предложил С.Л. Франк. Понимая реальность как единство определенности и неопределенности, определенность (рациональность) он объяснил как

---

¹¹⁰ Сёрль Дж. Рациональность в действии / пер с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 12.

совокупность логически фиксируемых содержаний, иррациональность – как то, «что выходит за их пределы и к ним не принадлежит»¹¹¹. Значит, рациональность в указанном смысле и есть ключевой атрибут разума. Признак рефлексивной оформленности позволяет сформулировать определения социальной рациональности в узком (уровень социального субъекта) и широком (уровень социальной системы) смыслах.

Рациональность в узком смысле следует определить как *любой рефлексивный акт (его процесс и результат) индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемый с помощью вербальных средств коммуникации*. В настоящий момент наш читатель находится в контексте именно такой формы социального взаимодействия, представляющей собой форму социальной рациональности.

Рациональность в широком смысле следует определить как *совокупность рефлексивных содержаний социальной реальности*. С точки зрения общего определения рациональность есть *совокупность рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированных вербализованными рефлексивными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов*. Рефлексию на этом уровне следует понимать как когнитивную самообращенность социальной практики – совокупность взаимонаправленной рефлексии социальных акторов (сетевая рефлексия). Эта совокупность создает собственный слой социальной реальности, отражающий когнитивными средствами собственное ее бытие. Рациональность на данном уровне выражена в виде социальных норм, коллективных мнений, оценок, стандартов поведения, получивших вербальное выражение, а также в виде знаний, информации и других продуктов рефлексивной деятельности индивидов и групп. Углубляя приведенный вывод, скажем, что рациональность как научная категория во всех случаях обозначает *когнитивную самореференцию человеческого*

---

¹¹¹ Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию. – М., 2007. – С. 72, 84–85.

общества и его подсистем. Данная формула фиксирует рациональность как признак, отличающий человеческое общество от популяций животных, мир культуры от мира природы. Животное, как отмечает А.Г. Эфендиев, – это то, что не рефлексится сознанием, не регулируется им¹¹². Близким по значению является понятие бессознательного в социологической интерпретации О.К. Крокинской: бессознательное есть любой вид индивидуального или группового поведения, по поводу которого действующий субъект не вступает с собой в коммуникацию¹¹³.

Сказанное позволяет утверждать социальную сущность рациональности ввиду невозможности существования вербализованной рефлексии (логизации) за пределами социальной реальности. Символы, которыми оперирует рациональность, представляют собой социальные конвенции и не существуют вне социального. Наряду с этим, как показывают факты естественной мауглизации, вне человеческих ассоциаций рациональность (в названном смысле) отсутствует: в таких условиях индивид не приобретает навыков оперирования инструментами рациональности. Поэтому «рациональность связана с социальностью как базовой характеристикой человека»¹¹⁴, а понятия «рациональность» и «социальная рациональность» следует рассматривать как синонимы (рациональность всегда социальна).

В связи с этим трудно согласиться с точкой зрения И.И. Касавина и З.В. Сокулер, что попытка создать универсальный подход к проблеме рациональности «может иметь не большую ценность, чем попытки создать синтетическое блюдо, объединяющее сразу свойства таких вкусных вещей, как вишневый пирог с кремом, ананас, жареная индейка, сливочная помадка

---

¹¹² Общая социология: учебное пособие / под общ. ред. А. Г. Эфендиева. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 93

¹¹³ Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005. – С. 18.

¹¹⁴ Мурейко Л. В. Практическая рациональность: к проблеме массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. – С.113.

и горячие гренки с маслом»¹¹⁵. Разумеется нельзя успешно объединить свойства данных «вкусных вещей». Но все названные вещи, благодаря общему известному их свойству, относятся к классу блюд, что и является инвариантным их признаком. Будучи блюдами, данные вещи действительно представляют собой отдельные, не сводимые друг к другу содержания, но именно как блюда. Аналогичным образом различные определения рациональности представляют собой не что иное, как виды социальной рациональности в значении рефлексивных (вербализованных) содержаний. Основанием для выделения этих видов служат значения понятий, между которыми устанавливается отношение (под значением понимаем обозначаемый именем предмет). Так, рациональное как оформленное выделено на основании рефлексивного отражения связи между такими значениями, как «социальное явление», «законосообразность», «оформленность», «порядок»; рациональное как эффективное предполагает связь между «социальным действием», «достижением цели», «эффективностью», «средством достижения цели» и т.д. Такие виды рациональности выражают ее конкретные содержательные аспекты и могут быть использованы для исследования отдельных сторон реальности. При этом законосообразность тех или иных явлений, действий и пр. остается иррациональным содержанием до тех пор, пока не будет артикулирована в процессе рефлексивной деятельности индивидов и групп. Получив такую артикуляцию, законосообразность становится содержанием рациональным и начинает существовать как способ интерпретации объектов действительности. Тем самым законосообразность как рациональность представляет собой рефлексивную модель отношения наблюдаемых явлений и объективных оснований реальности и применяется для «измерения» данного отношения в том или ином объекте. Также эффективность может быть соотнесена с рациональностью так, что выступает как рефлексивная

---

¹¹⁵ Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. – М.: Наука, 1989. – С. 30.

модель соотношения средств и результатов деятельности, применяемую для рационализации данного отношения в конкретных ситуациях активности индивидов и групп.

Таким образом, признак вербально-рефлексивной оформленности является необходимым для всех концепций рациональности в социологии. Будучи лишенной данного признака, рациональность во всех случаях утрачивает качественную определенность и превращается в неоформленное и случайное содержание. Данный вывод позволяет системно представить современную социологию рациональности и определить ее уже не как совокупность разрозненных подходов к интерпретации рациональности, а как систему в различной степени оформленных социологических концепций рациональности, объединенных единой теоретической рамкой. В общем виде социология рациональности изображена на рис. 1. Функции общей теории рациональности выполняет универсальная социологическая теория рациональности (см. параграф 4), которая решает проблемы существенного признака рациональности, статуса рациональности в социальной системе, структурно-динамических качеств рациональности. Частные теории рациональности – это подходы к ее интерпретации, распространенные в социологии и обсуждающие отдельные аспекты рациональности. Они различаются способами проблематизации, приведенными в начале параграфа. По основанию способа проблематизации рациональности частные подходы к пониманию рациональности следует разделить на монистические, синтетические и плюралистические. Для монистических подходов характерно выделение одного частного содержания реальности, которое утверждается как существенный признак рациональности. К ним относятся отделенные друг от друга интерпретации рациональности как целесообразности, эффективности, нормативности, законосообразности, теоретической оформленности и т.п. Синтетические подходы объединяют несколько содержательных аспектов реальности в общий признак рациональности, выступающий продуктом синтеза данных аспектов.

Рис. 1. Социологические подходы к интерпретации рациональности

К синтетическим подходам следует отнести интерпретации рациональности такими авторами, как Д.Е. Карташев, S. Lindenberg, А.И. Пригожин и др. (см. параграф 1). В плюралистических подходах утверждается одновременное существование нескольких не сводимых друг к другу интерпретаций рациональности, в основе которых лежат разные содержательные аспекты реальности. Примером может служить интерпретация рациональности, предложенная А. Шютцем.

Подведем итог. С точки зрения используемого нами подхода *рациональность есть совокупность вербализованных рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированная рефлексивными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов.* Предложенная дефиниция имеет ряд преимуществ, на которые обратим внимание далее.

Во-первых, существенный признак рациональности, который она раскрывает, получает доказательное обоснование: в нашем подходе существует ответ на вопрос о том, почему рациональность должна быть сведена к признаку вербализованного рефлексивного оформления содержаний реальности. Именно этот признак является единственным инвариантным признаком, содержащимся во всех без исключения дефинициях рациональности, рассмотренных как социальные объекты. Его применение позволяет утверждать, что маркером рациональности служат не какие-либо частные содержания реальности (как постулируют упомянутые выше подходы к определению рациональности), а способ оформления этих содержаний – вербально-рефлексивная форма, имеющая место исключительно в человеческих обществах.

Во-вторых, предложенная дефиниция рациональности позволяет рассмотреть существующие подходы к ее определению как экспликацию видов рациональности, раскрывающих ее частные содержательные аспекты. Основанием для выделения данных видов становится признак конкретного содержания реальности, подвергающегося вербализации в контексте

рефлексивной деятельности социальных субъектов. С этой точки зрения признаки, к которым сводится рациональность в монистических подходах (целесообразность, эффективность, нормативность, истинность, законосообразность, упорядоченность и др.), остаются иррациональными содержаниями до тех пор, пока не будут артикулированы в процессе рефлексивной деятельности индивидуальных и групповых социальных субъектов. Получив такую артикуляцию, они рационализируются и начинают существовать как рефлексивные модели, раскрывающие соответствующие им черты социальных объектов и явлений. Такие модели используются в процессе рационализации действительности, приводя к жизни многочисленные факты когнитивного отражения объектов реальности. В данном понимании термин «рационализация действительности» близок по смыслу веберовскому «расколдовыванию мира», а также понятию «процесс прогрессивной рационализации» у А. Шютца.

В-третьих, определение рациональности как совокупности вербализованных рефлексивных содержаний социальной реальности по сравнению с другими подходами в максимальной степени свободно от оценки. Именно в таком определении реализуется принцип, постулированный М. Вебером. Задача применения данного определения сводится к фиксации вербально-рефлексивного контента в изучаемом социальном объекте. Наличие и уровень такого контента характеризуют социальный объект с точки зрения его рациональности. Рациональность, понимаемая указанным образом, обладает однозначно идентифицируемой качественной определенностью, что позволяет точно зафиксировать ее присутствие в изучаемом объекте. Исключения составляют факты использования вербально-логических инструментов, в которых не реализуется смысловое оформление содержаний реальности. Последние в связи с этим не подвергаются рационализации и остаются содержаниями иррациональными. Примером может служить синдром бессвязной речи, имеющий место при помрачении сознания.

§3. СТАТУС РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Рефлексивность выступает в качестве универсально-объективного референта рациональности: рациональность присутствует там, где объекты реальности получают рефлексивное оформление посредством вербально-логических инструментов. Данный вывод, в свою очередь, ставит вопрос о статусе рациональности в социуме, раскрывающем способ ее существования. В научных дискуссиях имеют место споры о том, существует ли рациональность исключительно на уровне познавательной деятельности социальных субъектов или она есть универсальное свойство социальной реальности как таковой. Тем самым проблема статуса рациональности выражается в одновременном существовании различных точек зрения на способ существования рациональности. Это поднимает проблему соотношения гносеологических и онтологических характеристик рациональности, которая выражает одну из ключевых линий конфликтности в ее определениях. Анализ дефиниций рациональности, представленный выше, позволяет следующим образом различить упомянутые ее характеристики: интерпретации рациональности в гносеологическом аспекте утверждают когнитивные критерии рациональности, характеризующие познавательную, интерпретирующую, социально-преобразующую деятельность социального субъекта; интерпретации рациональности в онтологическом аспекте обсуждают ее как объективное свойство реальности, законосообразность, способ самореференции и саморегуляции социальных систем. Основанием для решения данной проблемы является утверждение слитости гносеологических и онтологических аспектов рациональности и, следовательно, дополнительности различных ее определений. К такому решению проблемы имеются необходимые теоретические посылки. Как известно, традиционный разрыв между онтологией и гносеологией преодолен в диалектике (не может быть каких-либо «чисто онтологических»

или «чисто гносеологических» характеристик¹¹⁶), в социальной теории (в социальной жизни не существует естественных фактов – любой факт включен в горизонт интерпретации¹¹⁷). Тем самым постулируется неразрывная связь субъекта и объекта познания, когда субъект с необходимостью включен в объект, является его частью. В этой связи В.Г. Федотова справедливо указывает на методологический принцип исследования рациональности, устанавливающий единство когнитивных и социальных ее критериев¹¹⁸.

Другим фундаментальным основанием утверждения слитости гносеологических и онтологических аспектов рациональности служит известный со времен классического периода античной философии тезис о морфологической тождественности человека и социальной системы. Уже Платон в диалоге «Государство» указывает, что «в государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково»¹¹⁹. Это закономерно, учитывая, что, как показал Платон, государство создано человеческими потребностями и существует как ответ на них¹²⁰. Изменения, происходящие в государстве, античный философ понимал в неразрывной связи с трансформациями в структуре личности (души), полагая, что каждому типу государственного устройства соответствует определенный тип человека, особая организация его души. Данная аналогия неоднократно встречается в истории социальной мысли. Подробный анализ возможности сопоставления человека и общества как

---

¹¹⁶ Баженов Л. Б. Дополнительность и единство противоположностей // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика / отв. ред. Л.Б. Баженов. – М.: Наука, 1976. – С. 5–15.

¹¹⁷ Зинченко Е. В. «Коммуникативная рациональность» как априори социальных наук (методологический обзор проектов) [Электрон. ресурс] // Теоретический журнал «Credo new». – 2003. – №3. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/350/28/>. Дата обращения: 08.06.2013.

¹¹⁸ Федотова В. Г. Социальная рациональность и демократическое общество // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 238.

¹¹⁹ Платон. Государство. Законы. Политик / предисл. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – С. 192.

¹²⁰ Платон. Государство // Сочинения: 3 т. Т. 3. Ч.1. – М.: Мысль, 1971. – С. 145.

морфологически сходных вещей осуществил, в частности, Г. Спенсер, подвергнув критике выводы Платона и Гоббса в отношении данной возможности¹²¹. Вместе с тем, выводы упомянутых исследователей принципиально не исключают друг друга. Таким образом, необходимо утверждать, что человек в контексте социального воспроизводит те структуры, которые имманентно присущи его природе и воспроизводят его самого. Этот тезис раскрыл, в частности, Б.С. Сивиринов, исследуя человеческое измерение социальной перспективы¹²². Как отмечает данный автор, в отологическом смысле «человек сам есть то социоприродное пространство, которое уже своим наличным бытием задает пространственно-временные и качественные параметры общества». Человек, иными словами, есть детерминанта, обуславливающая ключевые характеристики общества самим фактом своего существования как комплекса социоприродных свойств. Линии соответствия Б.С. Сивиринов справедливо проводит между классами человеческих потребностей – той биологической константой, которая является основой мотивации поведения, и структурами общества. Так, существование производственно-экономической подсистемы общества обусловлено наличием класса биологических потребностей людей, пространственная ограниченность и физическая слабость человека (потребность в безопасности) породили структурность общества в виде социальных общностей и групп. Таким образом, структурность общества, по мысли Б.С. Сивиринова, содержит в себе в превращенном виде динамику живого человеческого организма (следует отметить, что данный автор не абсолютизирует роль биологических факторов в детерминации структурно-динамических свойств общества, указывая на зависимость последних также от территориальных, природно-географических, социальных, психологических и других факторов). Данная точка зрения подробно

---

¹²¹ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / пер. с англ. Н.А. Рубакина. – Минск, 1999. – С.269–306.

¹²² Сивиринов Б. С. Социальная перспектива – человеческое измерение // Социологические исследования. – 2001. – №6. – С.16–22.

представлена в функционализме Б. Малиновского¹²³, в подходе Я. Алстеда¹²⁴ и др.

В указанном факте морфологической тождественности человека и социальной системы наблюдается явление транзитивного полиморфизма¹²⁵. Если общество полагать в качестве эпифеномена человека (в дюркгеймовском смысле: однажды возникнув, оно получает самостоятельное существование), то разнообразия, составляющие общество, есть превращенная форма разнообразий, составляющих человека. Данный теоретический вывод позволяет понять представленность рациональности не только в рамках индивидуального сознания, но и в структурах общества. Как отмечает Н.Е. Покровский, свойства рациональности можно рассматривать как чистые структуры сознания, изоморфно раскрывающие себя на всех уровнях социальной структуры¹²⁶.

Таким образом, существуют основания для экстраполяции свойств рациональности индивида на общество. Далее раскроем данный вывод с точки зрения предложенной нами дефиниции рациональности.

В предыдущем параграфе рациональность мы определили как совокупность рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированную рефлексивными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов. При этом под рефлексией имеем в виду деятельность социальных акторов по осознанию содержаний реальности в единстве трех характеристик данной деятельности: вербализованности, логизированности, интенциональности. В таком понимании рефлексия и осознание представляют собой единую реальность: осознание не может быть

---

¹²³ Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И.В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. – 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.

¹²⁴ Алстед Я. Психология, социология, общество: модели мотивации // Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 23.

¹²⁵ Чайковский Ю. В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь. – 1992. – №1. – С. 67–68.

¹²⁶ Покровский Н. Е. О некоторых критериях рациональности // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С.125–126.

осуществлено неререфлексивно. «Познавать вне себя и отвлеченно от себя человек не может. <...> Всякое познание в существе и в основе своей есть самопознание»¹²⁷. Углубляя данный вывод, следует согласиться с Э. Гидденсом, который говорит о «рефлексивном мониторинге действия», указывая, что «в фундаментальном смысле рефлексивность является определяющим свойством любых человеческих действий»¹²⁸. В самом деле, если возможно осознать что-либо неререфлексивно, то разум при этом должен находиться вне субъекта, который служит его носителем, и быть «чистым», т.е. идеальной способностью мыслить. Но чистого мышления, «оторванного» от потребностей и интересов субъекта, нет в природе¹²⁹. Разум здесь становится в позицию идеального наблюдателя, которой нет места в реальной практике. Поскольку способность к осознанию всегда принадлежит конкретному субъекту, то любое осмысление объектов реальности носит рефлексивный характер. Субъект осознает действительность в контексте своей субъектности: в осознании объектов действительности всегда присутствует отношение субъекта к осознаваемому содержанию, что является средством осознания субъектом собственных оснований деятельности. Данное обстоятельство в конечном итоге обусловлено наличием потребностей субъекта как побудителей его активности. Сквозь призму таких потребностей объекты реальности осознаются субъектом как в той или иной степени имеющие или не имеющие ценность для него. Последнее обстоятельство обуславливает его поведение в отношении данных объектов. Тем самым осознание субъектом объекта предполагает и осознание отношения субъекта к объекту, интерпретацию объекта с позиции субъективного смысла. Например, такое осознание производится в

---

¹²⁷ Эрн В. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – С. 493.

¹²⁸ Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховика; Д.А. Кибальчича; вступ. ст. Т.А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – С. 153.

¹²⁹ Выготский Л. С. Мышление и речь: сборник. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 77.

настоящий момент нашим читателем, для которого объектом выступает смысл, заключенный в нашем тексте.

Сказанное также позволяют утверждать выводы Л.С. Выготского, указывающие на слитость интеллектуальных и аффективных процессов. Разделение последних превращает мышление в «автономное течение себя мыслящих мыслей, оно отрывается от всей полноты жизни, от живых побуждений, интересов, влечений мыслящего человека...»¹³⁰. Бесспорно, «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее». Существует «прямое движение от потребности и побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности»¹³¹. Также факты субъектного осмысления действительности справедливо обобщены Е.В. Зинченко в суждении о том, что «в социальной жизни не существует естественных фактов – любой факт включен в горизонт интерпретации»¹³². Подтверждением такого положения вещей являются и выводы Э. Дюркгейма о природе преступления, из которых следует рефлексивный характер института уголовного права. Преступление создается противоположностью между тем или иным действием и коллективными чувствами и происходит от этой противоположности¹³³. Коллективные чувства в одном и том же социальном типе обнаруживаются во всех здоровых сознаниях¹³⁴. При этом такие чувства «не просто запечатлены во всех сознаниях, но сильно запечатлены. Это не поверхностные и колеблющиеся пожелания, но сильно

---

¹³⁰ Там же. – С. 25.

¹³¹ Там же. – С. 26.

¹³² Зинченко Е. В. «Коммуникативная рациональность» как априори социальных наук (методологический обзор проектов) [Электрон. ресурс] // Теоретический журнал «Credo new». – 2003. – №3. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/350/28/>. Дата обращения: 08.06.2013.

¹³³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – С. 82.

¹³⁴ Там же. – С. 74.

вкоренившиеся в нас эмоции и стремления»¹³⁵. Тем самым преступный характер того или иного деяния устанавливается в процессе осознания членами общества характера своих переживаний в отношении данного деяния. Результаты такого осознания лежат в основе коллективных оценок, создающих вербально выраженные социальные нормы. Такие нормы представляют собой деривацию, выражающую общие коллективные чувства: «санкционируемые общим сознанием правила выражают наиболее существенные социальные сходства»¹³⁶. Подобным образом любые социальные конвенции имеют рефлексивное основание, а рефлексивность выходит за границы деятельности отдельных социальных акторов. Как справедливо отмечает И.И. Булычев, «рефлексивность – это такой срез общественного сознания, который непосредственно включен в процесс человеческой деятельности. Подобное понимание рефлексивности далеко выводит ее за пределы самосознания личности и даже социальной группы»¹³⁷.

Дюркгейм не проясняет механизм формирования общих оценок и норм в процессе рефлексивной деятельности социальных субъектов. Вопрос, который здесь возникает, состоит в том, каким образом в реальной социальной практике выражается признак позиционности рефлексии. Если разум как рефлектирующее начало функционально слит с субъектом-носителем и не способен выйти за его пределы, то каким образом устанавливается дистанция между рефлектирующим субъектом и рефлектируемыми основаниями его деятельности? Такая позиционность неизбежно выводит субъект за пределы самого себя: субъект способен к рефлексии лишь находясь вне рефлектируемой области. Далее, рефлексия субъекта в отношении осуществляемого им рефлексивного акта вновь

---

¹³⁵ Там же. – С. 78.

¹³⁶ Там же. – С. 104.

¹³⁷ Булычев И. И. Основы философии, изложенные методом универсального логического алгоритма. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 1999. – П.15.1.

выводит его за границы области рефлектируемого. Тем самым возникает тенденция бесконечного умножения позиций, каждая из которых стремится получить существование за пределами субъекта. При этом, находясь в любой рефлексивной позиции, субъект не способен адекватно воспринять собственные некогнитивные основания. Это обстоятельство А. Шохов маркирует как «парадокс рефлексивного ускользания»¹³⁸. Данный автор обсуждает позиционность, рассматривая особенности научного исследования в постнеклассической науке. Вместе с тем, научное познание есть частный случай рефлексивной деятельности, в котором отражены общие ее закономерности.

Выход за пределы действия парадокса рефлексивного ускользания достигается за счет введения в структуру коммуникации метасубъекта, находящегося на более высоком рефлексивном уровне, предметом рефлексии которого является деятельность первого субъекта. При этом каждый социальный актор действует как метасубъект по отношению к другим акторам. Взаимонаправленная рефлексия множества социальных акторов, находящихся в метапозициях по отношению друг к другу, создает рефлексивное пространство, изменяющее природу рефлексивного бытия познающего субъекта «с корпускулярного на волновое»¹³⁹, вследствие чего через отражение в продуктах рефлексивной деятельности социальной группы индивидуальный субъект приобретает способность понимать собственные основания деятельности. Как справедливо отмечает Л.В. Мурейко, организованное нормированное взаимодействие социальных групп обеспечивает возможность идентификации индивидом себя в качестве субъекта и его самоконтроля¹⁴⁰.

---

¹³⁸ Шохов А. Схема научного исследования в постнеклассической науке [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socium.com.ua/shema.doc>. Дата обращения: 08.06.2013.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Мурейко Л. В. Практическая рациональность: к проблеме массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 113.

Данные рефлексивные практики осуществляются по принципу социальной сети. Способами рефлексии здесь выступают взаимонаправленные идентификация и эмпатия (как механизмы когнитивного и эмоционального присоединения).

Такое понимание рефлексии имеет теоретические предпосылки в социологии и психологии поведения. Так, в данном смысле интерпретируют взаимодействие социальных акторов представители символического интеракционизма, применяя для его экспликации иной категориальный аппарат. Дж. Мид говорит о формировании самости, отличающей человеческие общества от животных, как, по сути, о продукте взаимонаправленной рефлексии социальных акторов, осуществляемой посредством значимых символов. В процессе такой рефлексии происходит принятие роли другого, получающее становление в ходе последовательно развертывающихся этапов – игры и соревнования. В результате формируется имеющая рефлексивную природу совокупность групповых конвенций, определяющих структуру самости индивида¹⁴¹. Сходным образом самость трактуется в теории «зеркального Я» Ч. Кули: определяющее значение для формирования самости социального актора имеет существование групповых оценок и мнений, которые придают рефлексивную оформленность его самоидентичности¹⁴². Л.С. Выготский, указывая на рефлекторную природу сознания, утверждает тождественность механизмов самопознания и познания других. Индивид осознает себя постольку, поскольку осознает других, так как сознание нельзя направить на самое себя ввиду того, что оно не может быть раздражителем для нового рефлекса. «Я сознаю себя только постольку, поскольку я являюсь для себя другим, т.е. поскольку я собственные рефлексы могу вновь воспринимать как новые раздражители»¹⁴³. Возможность «стать

---

¹⁴¹ Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 216–227.

¹⁴² Там же. – С. 316–335.

¹⁴³ Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Мышление и речь: сборник. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С.611–613.

для себя другим» заключена в групповом взаимодействии – в когнитивном отражении поведения деятеля в сознании членов группы. Тем самым сознание есть «как бы социальный контакт с самим собой», необходимым условием которого выступают социальные контакты с другими акторами.

Таким образом, рефлексия на уровне социального сообщества имеет сетевой характер и функционирует как самовоспроизводящаяся и саморазвивающаяся система. В рамках *сетевой рефлексии* происходит формирование общих конвенций сообщества взаимодействующих социальных акторов, содержание которых составляют социальные нормы, групповые ценности, модели поведения, язык, традиции и т.д. В этой связи совершенно прав А.Г. Здравомыслов, который, обсуждая рациональность как ценность культуры, указывает на способность человека к коммуникации как на основание рациональности¹⁴⁴. Вербально-логическое смысловое оформление данных конвенций есть репрезентант рациональности *как фундаментального свойства* социальной реальности: совокупность вербализованных продуктов групповой рефлексии создает собственный слой социальной реальности, отражающий когнитивными средствами собственное ее бытие. Тем самым *сетевая рефлексия представляет собой когнитивную самообращенность социальной практики*, которую, а также продукты осуществления которой следует маркировать как рациональность социальной системы. Говоря кратко, *рациональность – это когнитивная самореференция человеческого общества*. Такая самореференция выступает существенным признаком человеческих ассоциаций. В этой связи мы не можем согласиться с точкой зрения Л.В. Мурейко, использующей монистическую концепцию рациональности как нормативности, о том, что «сегодня рациональность уже мало кем сводится лишь к рефлектирующему разуму, ведь логичность, упорядоченность действий человека в конечном

---

¹⁴⁴ Здравомыслов А. Г. Принцип рациональности в современной социологической теории (гносеологические и культурологические основания) // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 4.

счете базируется на нормативной социальности»¹⁴⁵. Рациональность не может существовать вне рефлектирующего субъекта. При этом таким субъектом следует считать не разум в его отвлеченно-абстрактной форме как некий трансцендентный субъект, а общество как реальную эмпирически фиксируемую совокупность взаимодействующих индивидов. В ходе их взаимодействий формируется и развивается особый слой социальной реальности, представляющий собой ее когнитивную самореференцию. Нормативность (точнее – когнитивный компонент норм (совокупность вербализованных установлений)) есть одно из оформлений рациональности, с необходимостью присущее человеческим ассоциациям. При этом рефлективное вербальное оформление содержания реальности предшествует институционализации нормы и является ее основанием. В утверждении о том, что, напротив, нормативность служит основанием рациональности, «телегу ставят впереди лошади».

Рациональность в обсуждаемом смысле представляет собой совокупность социокультурных предуказаний, выступающих фактором детерминации социального поведения. Такие предуказания имеют внешнее по отношению к индивидам существование и оказывают на них принудительное действие, т.е. предстают как совокупность социальных фактов. К ним относятся любые рационализированные содержания культуры. В пределе обобщения рациональность в обсуждаемом смысле есть признак, отделяющий мир культуры от мира природы, человеческое общество – от иных ассоциаций.

Содержанием рациональности социальной системы выступают как материальные, так и нематериальные компоненты. К нематериальным компонентам относятся социальные конвенции: нормы и правила, групповые оценки и ценности, коллективные мнения, традиции и т.д. Индивид

---

¹⁴⁵ Мурейко Л. В. Практическая рациональность: к проблеме массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. – С.121.

сталкивается с ними уже в семье, где действуют семейные запреты и допущения. Материальными компонентами социальной рациональности являются все объекты, составляющие материальную культуру общества. Такие объекты представляют собой продукты деятельности индивидов и групп, не отделимые от вербально-логических средств их оформления. Появление и существование данных объектов – от столовых приборов до современных космических аппаратов – становятся возможными как материальное выражение когнитивной самообращенности социальной практики, т.е. предполагают осуществление рефлексивной деятельности, обсужденной выше.

Таким образом, рациональность следует относить к фундаментальным характеристикам социальных систем. На уровне социальной системы она предстает как совокупность социальных фактов, получивших вербально-логизированное оформление в контексте сетевой рефлексии. Рациональность в данном смысле структурирует общественное и индивидуальные сознания, служит фактором, обеспечивающим реализацию основных функций в социальной системе. Любые социальные объекты – личность, социальные группы, институты, организации, общество, сообщество – с необходимостью имеют рациональную сторону своего существования и развития, конституированную сетевыми рефлексивными практиками.

§4. УНИВЕРСУМНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

*...всякая система только организует выраженные уже идеи
и соединяет в одном фокусе рассеянный свет,
проникающий весь интеллектуальный мир.*

Л. Уорд

Постнеклассическая социология, использующая современные познавательные модели, позволяет построить общую теорию рациональности, объединяющую различные ее версии в рамках одной теоретической системы. Так, на основании применения диатропической познавательной модели нами было предложено определение рациональности как совокупности рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированных рефлексивными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов. Данное определение раскрывает существенный признак рациональности, присутствующий в любой ее дефиниции.

В качестве инструмента экспликации структурно-динамических качеств рациональности социальной системы мы применили универсумную социологическую парадигму, воплотившую основные черты постнеклассического этапа развития социологии¹⁴⁶. Ядром универсумной социологии служит сформулированный В.Г. Немировским диатропический принцип минимального универсума, выражающий минимальное количество характеристик, необходимых для описания любой развивающейся системы. Согласно его выводу, «выражая наиболее общие законы развития материи, принцип минимального универсума представляет своего рода матрицу, на основе которой осуществляется процесс развития любой системы. Описанная матрица может быть «наложена» на любой социум или его элемент для

---

¹⁴⁶ Nemirovskiy V. G. The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. – 2007. – Vol. 2. – Num.1. – P. 65–77.

определения их структуры и динамики»¹⁴⁷. Понятие «универсум» используется здесь в значении мирового целого (множества всех возможных миров). Общество сквозь призму данного понимания есть часть высокоорганизованной Вселенной, органично связанная с другими ее элементами¹⁴⁸. Согласно принципу минимального универсума, взятому в кратком изложении, любая развивающаяся система конституирована как минимум двумя полярными элементами; в процессе изменения система образует как минимум три иерархических уровня; на каждом уровне система проходит как минимум пять стадий (возникновение, становление, пиковая точка развития, увядание, исчезновение (качественная трансформация); в процессе развития система образует как минимум семь эволюционных слоев (уровней). В кратком изложении принцип минимального универсума применен Д.Д. Невирко¹⁴⁹. Также он был применен нами как инструмент исследования и теоретической интерпретации системы ценностных ориентаций личности¹⁵⁰. Универсумная социология доказала свою эффективность в исследовании различных аспектов социальной реальности и в настоящее время оформлена в научную школу¹⁵¹. Универсумный социологический подход подробно описан в научной литературе¹⁵², поэтому здесь позволим себе не останавливаться на его подробной характеристике.

---

¹⁴⁷ Немировский В. Г. Универсумная диагностика российского общества. – Красноярск, 2001. – С. 42

¹⁴⁸ Там же. – С. 19.

¹⁴⁹ Невирко Д. Д. Основы универсумной теории социализации человека: учебное пособие. – Красноярск, 2004. – С. 25

¹⁵⁰ Труфанов Д. О. Ценностная социологическая концепция современных единоборств: монография. – Красноярск: КрасГУ, 2006. – С. 24–29.

¹⁵¹ Научная школа В. Г. Немировского «Постнеклассическая (универсумная) социология» [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://research.sfu-kras.ru/science/schools/nemirovskii> (дата обращения 08.06.2013).

¹⁵² Немировский В. Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития // Социология. Научно-теоретический журнал. – Минск, 2004. – №1 – С. 39–49; Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. – 2006. – №2 – С. 13–19; Немировский В. Г., Соколова Е. В. Структура и динамика смысложизненных ориентаций студенческой молодежи: 1988-2004 гг. Постнеклассический подход. – Красноярск, 2006. – 161 с.; Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека. – М., 2008. – 304 с. и др.

Исследование рациональности социальных систем с позиций приведенного принципа дает возможность сформулировать универсальную социологическую теорию рациональности, основные положения которой приведем далее. Двумя элементами, конституирующими социальную рациональность, следует считать рациональные и иррациональные содержания социальной реальности. Эти два начала, первое из которых выражено в виде вербализованных рефлексивных и структурированных содержаний социального, второе представляет собой некогнитивные, неструктурированные, нерелексивные ее основания, образуют сложный синтез (в практике социальной жизни они всегда существуют как целостность), субстрат социального как такового. Данный тезис не нов. Так, К. Мангейм различает в обществе «рационализированную структуру» и «иррациональную среду». При этом последняя является онтологически первичной (*materia prima*, по мысли С.Франка): «Однако как ни рационализирована наша жизнь, все эти рационализации все-таки носят лишь частичный характер, ибо наиболее важные области нашей общественной жизни еще по сей день покоятся на иррациональной основе»¹⁵³. Б.С. Сивиринов отмечает, что «социология должна рассматривать иррациональное как переходящую ипостась рационального, и наоборот. Другими словами, социология должна принимать, учитывать очевидную функциональную «слитость», неразделимость рационального и иррационального в обществе»¹⁵⁴. Рассматриваемая таким образом рациональность не существует в отрыве от своих нерациональных оснований и представляет собой синтез рациональных и иррациональных содержаний социального. При этом, на наш взгляд, нет необходимости вводить для обозначения данного синтеза какой-либо новый термин. Изучая рациональное или иррациональное, мы подвергаем исследованию один и тот

---

¹⁵³ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 99–100.

¹⁵⁴ Сивиринов Б. С. Социальная перспектива – человеческое измерение // Социологические исследования. – 2001. – №6. – С. 10.

же объект – сложный синтез данных содержаний, недоступных социологу в отрыве друг от друга. Различие в изучении первого или второго состоит в предмете исследования – сторонах упомянутого синтеза, на которые направлено познание. Тем самым рациональность неотделима от своих иррациональных оснований и в синтезе с ними составляет живую ткань социальной реальности. Применяя термин «рациональность», мы имеем в виду и те иррациональные компоненты, без которых существование рациональности невозможно.

Рассматривая рациональные и иррациональные содержания как компоненты рациональности, мы осознаем, что не вполне корректно используем термины: рациональность обсуждается как собственный структурный компонент. Утверждая это, мы хотим подчеркнуть, что рациональность как способ оформления иррациональных содержаний является неотделимой от них, не существует в отрыве от них и, таким образом, имплицитно включает их в свою структуру. Оппозицию же иррациональности как структурному компоненту составляет понятие рациональности, что и заставляет использовать этот термин. Возможно, более корректным было бы назвать двумя элементами рациональности когнитивные и некогнитивные ее содержания. Однако и этот вариант применения терминов несвободен от указанного затруднения, поскольку данные содержания выражают свойства рациональности и иррациональности соответственно. В защиту допущенной нами вольности в употреблении терминов обратим внимание, что в социологии есть ситуации, когда одним понятием обозначен синтез противоположных и взаимодополнительных содержаний. Примером может служить понятие массового сознания, содержание которого имплицитно включает феномен массового

бессознательного¹⁵⁵. Тем самым массовое сознание утверждается как единство массового сознания и массового бессознательного.

Таким образом, понятие социальной рациональности, предполагая свои нерациональные основания, указывает на рефлексивные (вербализованные) стороны рационально-иррационального синтеза, выступающие, как свидетельствует исторический опыт обществ, вектором развития социальных систем (иллюстрацией последнего обстоятельства может служить процесс бюрократизации обществ). Безусловно, есть основания представить исторический процесс рационализации социальных практик как кентавр-процесс, когда рациональные модели таких практик вызывают к жизни иррациональные (незапланированные, противоречащие рациональным моделям) социальные явления, на что мы также обращали внимание выше. Так, А.П. Павлов указывает на парадокс, состоящий в том, что «чем выше уровень социальной организации человеческой жизни, чем совершеннее формы и технологии социальной деятельности, тем больше незапланированных, непредсказуемых последствий»¹⁵⁶. Вместе с тем, не вызывает сомнений и тот факт, что развитие обществ есть диалектический процесс, осуществляемый в направлении увеличения доли осознанности общественного бытия по сравнению с предыдущими их состояниями, упорядочивания и рационализации социальных форм и процессов. На процесс рационализации как вектор развития социального мира обращает внимание также К. Мангейм, указывая на существующую тенденцию превращения «иррациональной среды» в объект административного управления¹⁵⁷. Вновь возникающие при этом иррациональные явления, в свою очередь, становятся предметом рационализации, порождая при этом новую социальную иррациональность.

---

¹⁵⁵ Немировский В. Г., Соколова Е. В. Структура и динамика смысло-жизненных ориентаций студенческой молодежи: 1988-2004 гг. Постнеклассический подход. – Красноярск, 2006. – С. 44.

¹⁵⁶ Павлов А. П. Личность и социальный порядок: монография. – Красноярск, 2005. – С. 8.

¹⁵⁷ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 99.

Согласно принципу минимального универсума в процессе развития система образует три иерархических уровня. На вещественно-энергетическом уровне активность системы обусловлена, главным образом, задачами выживания и закрепления на уровне устойчивого существования; на функционально-организационном уровне ее активность направлена на интеграцию в систему актуальных связей с другими системами, образующих среду взаимодействия; на информационном уровне система предстает как высшая форма существования опыта в рамках своей качественной определенности. Указанным уровням минимального универсума соответствуют уровни рациональности социальной системы, которые могут быть маркированы терминами Л. Колберга, примененными для обозначения уровней морального развития индивидов: преконвенциональный (*pre-conventional level*), конвенциональный (*conventional level*) и постконвенциональный (*postconventional level*)¹⁵⁸. Данные уровни следует рассматривать как *типы рациональности*, присутствующие в любой социальной системе.

Вещественно-энергетическому уровню развития социальной системы соответствует *преконвенциональный тип рациональности*. На данном уровне рефлексивное оформление получают преимущественно органические потребности и ориентации индивидов (а также социальные структуры, обслуживающие данный уровень социума), детерминирующие их активность по обеспечению собственного физического существования. Рациональность здесь представлена в контексте массового обыденного сознания, где логизация выражена в виде элементарных форм рассудочной деятельности и практического здравого смысла. Термин «массовое» обыденное сознание употребляет Н.С. Автономова, указав, что он не имеет четкой денотации¹⁵⁹. Нужно полагать, что содержание данного термина выражено в том

---

¹⁵⁸ Kohlberg L. *Essays on Moral Development: Vol. I. The Philosophy of Moral Development*. – San-Francisco, 1981; Kohlberg L. *Essays on Moral Development: Vol. 2. The Psychology of Moral Development*. – San-Francisco, 1984. – P. 172–181.

¹⁵⁹ Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. – М., 1988. – С. 190.

существенном признаке, что феномены обыденного сознания приобретают надиндивидуальное существование, превращаясь в элементарные интерсубъективные модели рационализации действительности. Основанные на потребностях вещественно-энергетического уровня, социальные практики здесь представляют собой прикладные способы действий и отношений, направленные на достижение личных практических выгод. Тем самым массовое обыденное сознание выражает совокупность моделей и алгоритмов получения личных выгод: «мир предстает пред человеком обыденного сознания только как набор полезных вещей, эффективных приемов и технологий их использования»¹⁶⁰.

В теории Л. Колберга этому уровню соответствуют первая и вторая стадии морального развития – «blind egoism» и «instrumental egoism» соответственно, выражающие указанные ориентации. Действующий в обществе субъект-носитель данного уровня рациональности представляет собой тип, стремящийся максимизировать личные выгоды при минимизации затрат (Homo Economicus). При этом данный тип выходит за пределы собственно экономического поведения индивида и распространяется на иные его связи и отношения в обществе. Обсуждаемый уровень рациональности реализуется в индивидуально-ориентированном (в отличие от коллективно-ориентированного) социальном поведении индивидов. Так, рациональным в данном смысле является поведение человека, который, преследуя вместе с другими охотниками крупного зверя, вдруг замечает вблизи себя зайца и пускается в погоню за ним как за более доступной и гарантированной добычей, покидая группу своих товарищей. Несложно найти многочисленные примеры подобного поведения в социальной жизни.

---

¹⁶⁰ Чельшев П. В. Кризис обыденного сознания в современном мире // The XXII World Congress of Philosophy. July 30 – August 5. 2008. Seoul National University, Seoul, Korea. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/22510.htm> (дата обращения 08.06.2013).

Функционально-организационному уровню развития социальной системы соответствует *конвенциональный тип рациональности*. Здесь рефлексивное оформление получают социальные потребности и ориентации индивидов, обуславливающие их стремление к членству в социальных общностях и группах. В социальных системах рациональность данного типа существует в виде когнитивного компонента социальных конвенций, формирующихся в ассоциациях индивидов – вербально выраженных групповых нормах и ценностях, групповых мнениях и оценках. Данный тип рациональности реализуется в поведении индивида, мотивированном ориентациями на групповые ценности (в отличие от индивидуального поведения, во многом обусловленного «собственными» потребностями индивида). В теории Л. Колберга данный уровень раскрывают третья и четвертая стадии морального развития – «social relationships perspective» и «social systems perspective» соответственно, выражающие преобладание конвенционального поведения социальных акторов над индивидуальным. Действующий в обществе субъект-носитель данного уровня рациональности маркируется в общественных науках как социально обусловленный тип (Homo Sociologicus).

Информационному уровню развития социальной системы соответствует *постконвенциональный тип рациональности*. На данном уровне рефлексивному оформлению подвергается класс духовных потребностей и ориентаций индивидов, обуславливающих стремление последних к самоактуализации. Рефлексивное оформление здесь получают уникальные формы и способы отношения индивидов к действительности, выражающие данный процесс. Содержание рациональности информационного уровня обусловлено относительно высокой степенью автономии индивидов от социально-групповых норм и стандартов поведения. Такая автономия противопоставлена гетерономии, имеющей место на преконвенциональном уровне рациональности, означающей в данном случае подчиненность воли субъекта объективным биологическим детерминантам

поведения. Для обозначения автономных в данном смысле индивидов Э. Дюркгейм применил термин «индивидуальный тип», противопоставив его коллективному типу¹⁶¹. А. Маслоу использовал для этого термин «самоактуализированный человек», объяснив самоактуализацию как актуализацию собственной «самости», собственного уникального Я¹⁶². В теории Л. Колберга этому уровню соответствуют пятая и шестая стадии морального развития – «contractual perspective» (договорная перспектива) и «mutual respect as a universal principle» (взаимное уважение как универсальный принцип) соответственно, выражающие выход за пределы конвенциональной точки зрения к универсальным этическим принципам.

Преко́нвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный уровни рациональности присутствуют в любой социальной системе. Их соотношение, «удельный вес» обуславливает актуальную ситуацию в данной системе, характеризует достигнутый ею эволюционный уровень и определяет зону ее ближайшего развития.

Выделенные нами уровни рациональности выступают маркерами различных типов социальной солидарности и могут быть соотнесены с типами солидарности, описанными Э. Дюркгеймом. Социальная солидарность, как любой социальный объект, есть синтез рациональных и иррациональных компонентов. В теории Э. Дюркгейма в солидарность в качестве онтологически первичного включен нерелексивный компонент, представленный коллективным сознанием – совокупностью верований и чувств, присущих членам одного и того же общества¹⁶³. Надстроечный (рациональный) компонент (Дюркгейм описывает его на примере системы права) – деривация, выражающая коллективные чувства.

---

¹⁶¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. – М., 1990. – С. 132.

¹⁶² Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб., 1999. – С. 203–204, 230, 257.

¹⁶³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. – М., 1990. – С.80.

Для обществ с преобладанием преконвенционального уровня социальной рациональности характерен механический тип солидарности. В работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм неоднократно приводит выводы и примеры, подтверждающие данное обстоятельство. Для обозначения типа солидарности в таких обществах ученый также применяет понятия «отрицательная» и «вещная» солидарность. Вещная солидарность «прямо связывает вещи с личностями, а не личности между собой. <...> Вследствие этой солидарности воли не движутся к определенным целям, но только вещи упорядоченно движутся вокруг воли. Вещные права, будучи ограничены таким образом, не вступают в конфликты; враждебные отношения упреждены, но нет активного сотрудничества, консенсуса. <...> Такая солидарность, стало быть, не делает из сближаемых ею элементов целого, способного действовать единообразно; она ни в чем не содействует единству социального тела»¹⁶⁴. При данном типе солидарности индивиды вступают в отношения тогда, когда сталкиваются их экономические («вещные») интересы. Здесь перед нами социальные субъекты, движимые «собственными» потребностями (в отличие от потребностей, направленных на групповые ценности). Переживания этих потребностей в данном случае составляют содержание коллективных чувств, обуславливая устойчивые свойства социального типа. Они, в свою очередь, на уровне дериваций приобретают вид рациональных конструкций, выраженных в виде норм, моделей поведения, технологий достижения соответствующих ценностей. Именно таких субъектов имеет в виду Р. Коллинз, описывая проблему безбилетного пассажира, являющегося примером рационального поведения индивида (рациональность последнего, таким образом, преконвенциональна) (см. конец параграфа). Солидарность таких субъектов, будучи, по мысли Дюркгейма, механической, основана на общих их сходствах (табл. 1). Упомянутые субъекты ориентированы на достижение личных выгод (в терминах универсальной социологии – потребностей вещественно-

---

¹⁶⁴ Там же. – С. 114.

энергетического уровня). Они обладают сходными инструментами его достижения, что обуславливает высокую степень конкуренции в их взаимодействиях. Закономерно, что в данных обстоятельствах субъекты оказываются атомизированными, предпочитая личный экономический интерес коллективному, личную выгоду – совместности с другими субъектами. Для обсуждаемого типа солидарности, согласно выводам Дюркгейма, характерны разделяющие правила и нормы, общие для всех членов общества, преобладание уголовного (репрессивного) права, высокая плотность социальной жизни.

Для обществ с преобладанием конвенционального уровня социальной рациональности характерен органический тип солидарности. Здесь акторы ориентированы на удовлетворение социальных потребностей. Для удовлетворения таких потребностей акторы нуждаются друг в друге, предпочитая совместность с другими акторами изолированности. Последнее обстоятельство обуславливает стремление субъектов к кооперации и формирует «единство социального тела». Для обществ конвенциональной рациональности характерны соединяющие нормы и правила, преобладание реститутивного права, средняя интенсивность социальной жизни.

Солидарность, устанавливающаяся в обществах с преобладанием постконвенциональной рациональности, следует определить как сверхорганическую. В качестве содержания коллективных чувств на этом уровне выступают переживания духовных потребностей. Каждый из субъектов обладает автономией – он индивидуально предстоит перед духовным объектом, отказываясь от посредничества группы. Солидарность в данном случае осуществляется как встреча автономных субъектов в пространстве духовного объекта. Последний может быть представлен инновацией, над созданием которой работают ученые-единомышленники, уникальным эстетическим объектом, переживаемым творческими людьми, и т.д.

Таблица 1. Типы солидарности и уровни рациональности социальной системы

Уровень рациональности	Тип солидарности	Тип норм	Природа норм
Постконвенциональный уровень	сверхорганическая, основана на автономии индивидов (индивидуальных различиях)	индивидуальные ориентации, оценки; индивид – источник правил и оценок	индивидуальные правила, индивид – источник собственной морали; низкая интенсивность социальной жизни
Конвенциональный уровень	органическая, основана на групповых различиях	соединяющие правила, нормы, установления; реститутивное право	групповые нормы и правила, групповая мораль; средняя интенсивность социальной жизни
Прекоконвенциональный уровень	механическая, основана на общих сходствах (атомизация общества)	разделяющие правила, нормы, установления; репрессивное право	общие для всех членов общества нормы и правила; высокая интенсивность (плотность) социальной жизни

Дюркгейм обнаруживает наличие данного уровня развития социума, но не вводит термин, обозначающий тип солидарности в таком социуме. Появление индивидов, обладающих автономией в указанном выше смысле, он определяет как «индивидуальный тип», противопоставляя его коллективному типу: «оба эти вида типов не только не изменяются в прямом отношении, но, как мы увидим, исчезновение одного вида есть необходимое условие появления другого»¹⁶⁵. Таким образом, размывание коллективных типов в обществе приводит к увеличению индивидуальных типов. Дюркгейм иллюстрирует данный факт на примере профессиональных типов, получающих распространение вследствие прогресса разделения труда. Профессиональные типы, как выражение типов коллективных, теряют свою прежнюю четкость. При этом внутри профессиональных сообществ и групп увеличиваются индивидуальные различия. «У каждого (индивидуального

¹⁶⁵ Там же. – С. 132.

субъекта профессиональной деятельности. – Д.Т.) все более вырабатывается свой способ мышления и деятельности, каждый меньше подвергается воздействию общественного мнения корпорации»¹⁶⁶. Дюркгейм говорит об индивидах, обладающих определенной автономией от профессиональной группы и индивидуально устанавливающих отношение с профессией.

Солидарность в обществе постконвенциональной рациональности основана как на сходствах, так и на различиях между индивидуальными субъектами социального действия. Сходства выражены в виде сходных оценок, интересов и ориентаций индивидов, реализуемых в пространстве духовного объекта. Сходства делают возможным контакт между субъектами по поводу духовного объекта, создают совместное пространство в автономии каждого из них (со-предстояние перед духовным объектом). Различия связаны с индивидуальным переживанием субъектом духовного объекта, вызывают содержательные взаимодействия субъектов: они открывают для субъектов переживаемый духовный объект в его новых сторонах, связях, интерпретациях. Тем самым, в процессе взаимодействия, субъекты продолжают контакт с духовным объектом, удовлетворяя актуальные духовные потребности.

Таким образом, солидарность в обществах с преобладанием постконвенциональной рациональности основывается на автономии индивидуальных субъектов социального действия, которая предполагает наличие у них как сходств, так и различий. Такие субъекты действуют исходя из собственных ориентаций и оценок, являются источником собственной морали. Используя терминологию Дюркгейма, интенсивность социальной жизни в таких обществах следует определить как низкую.

Иллюстрацией трех обсужденных уровней рациональности может выступать язык как неотъемлемый элемент социальных систем, служащий средством рационализации содержаний реальности. Язык как система символов, возникающая и развивающаяся в контексте социальных

---

¹⁶⁶ Там же. – С. 133.

взаимодействий, конституирован сознательными и бессознательными элементами, что неоднократно эксплицировано многими авторами. Рациональный элемент языка представляет собой систему символов как таковых, обозначающих определенные дискретные единицы реальности. Данные символы являются предметом актуальных социальных конвенций, что обуславливает возможность вербальной коммуникации. При этом упомянутая сторона языка приобретает различные формы, существующие на разных уровнях социальной рациональности. На вещественно-энергетическом уровне (преконвенциональная рациональность) символы языка утрачивают четкую связь с их значениями и наделяются значениями ситуативно-переносными, в зависимости от актуального контекста переживания носителем языка отношений с действительностью¹⁶⁷. Тем самым происходит разрыв между конвенциональным содержанием символа и реальной практикой его употребления. Ярким примером здесь может служить детская речь. Язык на данном уровне выражает в большей мере индивидуальное мироощущение его носителя, обслуживая его «собственные» потребности. На функционально-организационном уровне (конвенциональная рациональность) язык отражает социальную структурность в виде ассоциаций индивидов и их идеологию. Значения вербальных форм здесь передают содержание групповых ценностей и норм. Такие формы выступают в качестве средства социальной идентификации индивидов. Наконец, на информационном уровне (постконвенциональная рациональность) язык отражает особые отношения его носителей с действительностью, выходящие за пределы социальных конвенций. Здесь возникают новые языковые формы, которые служат средством рационализации отношений индивида с действительностью, обусловленных его потребностью в самоактуализации. Таким образом, язык как форма

---

¹⁶⁷ Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. – М., 1988. – С. 232.

социальной рациональности имеет три иерархических уровня, выражающие его состояние и развитие.

На каждом из выделенных выше уровней рациональности согласно принципу минимального универсума социальная система проходит пять стадий – возникновение, становление, пиковая точка развития, увядание, исчезновение (качественная трансформация). Для формализации данных стадий применительно к динамике рациональности социальных систем необходима серия эмпирических исследований, которые позволят осуществить их эмпирическую редукцию. Здесь, на нашем уровне обобщения, ограничимся указанием на существование данного рода стадийности социальной рациональности.

Социальная рациональность образует как минимум семь эволюционных уровней (с позиций принципа минимального универсума), отражающих процесс эволюционного развития социума. Факт морфологической тождественности индивида и социальной системы позволяет эксплицировать эволюционные уровни социальной рациональности посредством концепции иерархии базовых потребностей А. Маслоу¹⁶⁸, которую есть основания представить как семичастную¹⁶⁹. При этом, принимая во внимание критику упомянутой концепции, укажем, что матрицей для экспликации эволюционных уровней рациональности социальной системы способна выступить любая концепция потребностной структуры, которая будет наиболее адекватна с точки зрения решения конкретных исследовательских задач. Данное обстоятельство не снижает познавательной ценности принципа минимального универсума: в конечном итоге любая применяемая классификация потребностей может быть эмпирически редуцирована к семи уровням ценностно-потребностной

---

¹⁶⁸ Maslow A. H. *Motivation and Personality*. Second Ed. – NY: Harper, 1970. – P. 35–58.

¹⁶⁹ Немов Р. С. *Психология: в 2 кн. Кн. 1. Общие основы психологии*. – М., 1994. – С. 401; Martin D., Joomis K., *Building Teachers: A Constructivist Approach to Introducing Education*, – Belmont, CA: Wadsworth, 2007. – P. 72–75; Четвертаков С. А. *Реконструкция теории Маслоу*. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 118 и др.

системы, что является достаточным основанием для описания структурно-динамических качеств последней. Так, теория базовых потребностей А. Маслоу в любой ее интерпретации может быть представлена как продукт теоретико-эмпирической редукции трехчастной классификации потребностей, в рамках которой выделяют биологический, социальный и духовный их классы.

Преконвенциональный тип социальной рациональности имеет место там, где рефлексивному оформлению подвергаются переживания базовых потребностей индивидов – физиологических, а также потребности в безопасности. В ходе такого оформления формализуются и закрепляются в массовом сознании социальные конвенции, модели социального поведения, позволяющие достигать состояний удовлетворенности указанных потребностей. Упомянутые способы поведения неодинаковы в разных ассоциациях индивидов, отражая социально-групповые различия. Данные модели предписывают способы экономического поведения, реализуя которые индивиды с минимальными затратами могут получить максимальные личные выгоды – пищу, тепло, безопасность и т. п. Социальные взаимодействия на вещественно-энергетическом уровне социума, выражающем преконвенциональный тип рациональности, устанавливаются по поводу сохранения и поддержания жизни, здоровья, имущества, безопасности и других базовых физических условий существования индивидов. Так, стальные двери с кодовыми замками, закрывающие доступ в подъезды жилых домов и квартиры горожан, противоугонные автомобильные системы и другие распространенные в современном обществе средства обеспечения безопасности связаны с системой упомянутых социальных взаимодействий.

Доминирование в обществе в качестве актуальных потребностей вещественно-энергетического уровня обуславливает преобладание в нем преконвенционального типа рациональности.

Для данного типа рациональности характерно докооперативное поведение. Способом социального взаимодействия здесь выступает

конкуренция, а социальная система предстает как совокупность атомизированных индивидов, реализующих локальные социальные практики. Иллюстрацией может служить широко известная «дилемма заключенных». Два человека (А и Б), совершившие совместное преступление и попавшие в руки правосудия, получают от его представителей предложение о добровольном признании (т. е. о предательстве по отношению к своему соучастнику). При этом каждого предупреждают о следующем: если А признается, Б не признается, то А получает свободу, Б – максимальное наказание; если А не признается, Б признается, то А получает максимальное наказание, Б – свободу; если и А, и Б признаются, то оба получают суровое, хотя и не максимальное наказание; если же оба не признаются, то оба получают минимальное наказание¹⁷⁰. Преконвенциональная рациональность каждого из них приводит к пониманию следующей формулы предпочитаемых моделей поведения: для каждого преступника в отдельности свобода лучше, чем минимальное наказание, минимальное наказание лучше сурового, а суровое лучше максимального. В итоге А, желая получить свободу, принимает рациональное решение признаться в совершенном преступлении. Б действует аналогичным образом, вследствие чего А и Б оба получают суровое наказание.

Таким образом, преобладание преконвенциональной рациональности, выражающей экономический тип социального поведения, создает опасность атомизации социума, его распада на отдельные элементы. На данную опасность как на негативную сторону социального факта разделения труда, как известно, обращал внимание О. Конт. Такая опасность, по нашему мнению, особенно актуальна именно в случае преобладания в обществе преконвенционального типа рациональности, обусловленного доминирующей актуальностью базовых органических потребностей членов

---

¹⁷⁰ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие. – М., 2003. – С. 72–73.

общества. Возможность преодоления упомянутой опасности О. Конт связывает с реализацией управленческой функции в обществе, обеспечивающей дисциплину поведения его участников. М. Олсон говорит о принуждении и материальных стимулах как необходимых условиях возникновения и функционирования ассоциаций рациональных в обсуждаемом смысле индивидов¹⁷¹.

Результаты социологических исследований, полученные В.Г. Немировским и его научным коллективом, позволяют признать, что в современном российском обществе преобладает преконвенциональный тип рациональности. Данный вывод сделан на основании анализа эмпирических данных, которые показывают, что уровень эволюционного развития российского социума соответствует вещественно-энергетическому уровню развития социальной системы¹⁷². Солидарность в таком обществе может быть обеспечена, главным образом, с помощью жесткой функции управления.

Конвенциональная рациональность связана с рефлексивным оформлением переживаний социальных потребностей: быть включенным, принятым в общность, быть признанным, иметь авторитет и уважение в общности и др. Социальные практики на функционально-организационном уровне социума, выражающем конвенциональный тип рациональности, детерминированы групповыми ценностями и нормами. Содержанием конвенциональной рациональности становятся модели социального поведения, иные социальные явления, конституирующие социальную совместность в виде ассоциаций индивидов. Характерным для данного типа рациональности способом социального взаимодействия выступает кооперация. Количественная представленность такой рациональности в

---

¹⁷¹ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М.: ФЭИ, 1995.

¹⁷² Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Социология человека. – М., 2008. – С. 178; Труфанов, Д.О. Ценностные ориентации и проблема отчуждения человека. Постнеклассический (универсальный) подход // Тексты докладов III Всероссийского социологического конгресса. Институт социологии РАН [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.sociology-institute.ru/publications_bank/1227081253.pdf – 2008. Дата обращения 08.06.2013.

социальной системе обуславливает степень сплоченности последней, выражает практику социальной совместности людей (в отличие от отдельности (атомизации), свойственной преконвенциональной рациональности).

Постконвенциональный тип рациональности проявлен в рефлексивном оформлении переживаний духовных потребностей – познавательных, эстетических, потребностей в самореализации, обуславливающие уникальные способы отношений их носителей с действительностью. Содержанием постконвенциональной рациональности становятся социальные практики, связанные с удовлетворением данных потребностей, уникальными социальными практиками, инновациями, творчеством. На данном уровне действуют автономные индивиды, источник социального поведения которых выходит за пределы социально-групповой детерминации, в связи с чем их поведение следует маркировать как посткооперативное. Социальные взаимодействия здесь связаны с появлением новых социальных форм и моделей взаимодействия. Такие социальные формы служат индикаторами актуальных направлений развития социума и отдельных сфер социальной практики. В контексте постконвенциональной рациональности существует инновационный потенциал, выступающий ресурсом, необходимым для решения актуальных задач развития общества, преодоления современных вызовов социальной и внесоциальной природы.

Таким образом, универсальная модель рациональности социальной системы может быть представлена в виде матрицы, выражающей минимальное количество характеристик, необходимых для описания основных структурно-динамических качеств рациональности социальной системы (табл. 2).

Таблица 2. Минимальный универсум рациональности социальной системы

Два элемента	Три иерархических уровня	Семь эволюционных слоев
	<i>Постконвенциональный уровень</i>	Уникальные рефлексивные практики, выражающие процесс

<p>Рационально-иррациональный синтез. Совокупность рефлексивно оформленных содержаний реальности</p>	<p>выход за пределы социальных конвенций и стандартов поведения, уникальные социальные практики, творчество, инновации</p>	<p>самоактуализации индивидов</p>
		<p>Уникальные эстетические практики. Новые образцы эстетического отношения индивидов к миру</p>
		<p>Практики получения нового знания, достижения мысли, новые знания</p>
	<p><i>Конвенциональный уровень</i> Номо Sociologicus</p>	<p>Социально-организующие модели поведения, практики; социальное управление</p>
	<p>социально-групповые установления, нормы, правила, социальная солидарность</p>	<p>Социально-нормативные модели поведения, практики; групповая солидарность</p>
	<p><i>Преко́нвенциональный уровень</i> Номо Economicus массовое обыденное сознание, стандарты и технологии экономического типа социального поведения</p>	<p>Стандарты и технологии достижения физической безопасности</p>
	<p>Стандарты и технологии удовлетворения органических потребностей</p>	

Данная модель является идеальным типом со всеми присущими таким моделям возможностями и ограничениями. Вместе с тем, она может быть «наложена» на любой социальный объект с целью изучения доминирующего типа его рациональности, особенностей достигнутого им эволюционного этапа, зоны его ближайшего развития. Таким объектом может выступить как общество в целом, так и отдельные его подсистемы – социальные группы, организации, институты.

Рассмотрим в качестве примера организацию общественной автобусной службы в некотором городе N, посредством которого Р. Коллинз иллюстрирует ограничения рациональности поведения индивидов¹⁷³. В данном городе создается общественная автобусная служба, внести вклад в которую могут все жители города. Горожанам предлагается вносить добровольные взносы для оплаты труда водителя, покупки бензина и пр. Размер взносов не регламентирован. При этом любой горожанин сможет бесплатно пользоваться услугами данной автобусной службы. По мнению Р.

¹⁷³ Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. – М., 2004. – С. 414–415, 418.

Коллинза, в данной ситуации в поведении горожан проявится эффект «бесплатного пассажира», когда они будут желать, чтобы взнос сделал кто-то другой, а они пользовались бы услугами автобуса бесплатно (рациональность Homo Economicus). С точки зрения нашего подхода ситуация выглядит так, что эффект бесплатного пассажира возможен лишь на преконвенциональном уровне рациональности данной организации. При условии, что в поведении большинства горожан проявлен преконвенциональный уровень рациональности, эффективная работа общественной автобусной службы проблематична, если вообще возможна. В случае, если большинство горожан эволюционировали до конвенционального уровня рациональности, автобусная служба будет создана и ее работа будет эффективной, так как горожане, будучи приверженными коллективной цели, будут исправно вносить взносы и иными действиями способствовать реализации целей данной организации. Наконец, наличие среди горожан индивидов постконвенционального уровня рациональности обеспечит организации автобусной службы развитие. Такие индивиды будут творчески подходить к реализации цели организации, создавая инновационные формы и способы ее достижения. Тем самым, создание и успешное функционирование социальной организации зависят от доминирующего типа рациональности общества, в котором она создается. Решить проблему выявления уровня рациональности социальной системы позволяет сформулированная выше универсальная модель социальной рациональности.

Таким образом, универсальная теория рациональности способна выступить основанием изучения рациональности социальных систем, объединив ключевые характеристики социальной рациональности в одну теоретическую модель. Предлагаемая нами теория позволяет выявить возможности и ограничения функционирования различных социальных объектов в связи с актуальным уровнем рациональности социальной системы, что делает возможным ее применение в качестве инструмента социологической экспертизы управленческих решений, связанных с

внедрением в социальную практику тех или иных организационных моделей. Структурно-динамическая (универсальная) модель социальной рациональности может быть применена для анализа структуры и особенностей эволюционного развития как общества в целом, так и отдельных его подсистем. Далее продемонстрируем возможности данной модели в изучении рациональности социальной организации.

§5. Универсальный подход к проблеме рациональности социальной организации

Под социальной организацией будем понимать целевую общность¹⁷⁴, существенными признаками которой выступают целенаправленность коллективной активности ее членов, наличие формализованной структуры и функции управления, обеспечивающих достижение ее целей.

Рациональность организации как социального объекта маркируют целым рядом не сводимых друг к другу признаков, среди которых способность к «выживанию», целесообразность, эффективность, осмысленность, нормативность и др. Данные признаки лежат в основе концепций рациональности социальной организации, приводят к жизни различные эксплицитные схемы, раскрывающие те или иные стороны существования и развития организаций¹⁷⁵. При этом исследователи, как правило, не ставят вопрос об основаниях сведения рациональности к упомянутым признакам. Такие основания негласно считаются априорным знанием или связываются с научной традицией, восходящей к теориям классиков социологии. Между тем указанные признаки в совокупности не образуют целостную систему критериев рациональности организации, а, напротив, размывают содержание данного понятия, утверждают плюрализм его дефиниций. С позиции интерпретации рациональности как целесообразности рациональность социальной организации есть ее способность реализовывать предельную целесообразность в своем функционировании; понимание рациональности как эффективности раскрывает рациональность социальной организации как ее способность к оптимальной деятельности в конкретных средовых условиях¹⁷⁶; применение

---

¹⁷⁴ Пригожин А. И. Современная социология организаций. – М.: Интерфакс, 1995. – С. 46

¹⁷⁵ Попова Е. П. Проблема критериев организационного развития: выживание или эффективность // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С.108–116.

¹⁷⁶ Хунагов Р. Д. Проблема рациональности организационных структур // Социологические исследования. – 1995. – №7. – С. 122–131; Генов Н. Организационная

понятия «рациональность» в значении нормативности, стандартизованности связывает рациональность организации с ее способностью реализовывать актуальные стандарты и нормы деятельности, обслуживающие социально значимые для данного социума цели; рациональность в значении законосообразности раскрывает рациональность социальной организации как адекватность ее деятельности объективным законам существования и развития мышления, культуры, общества, природы; интерпретация рационального как упорядоченного, теоретически осознанного, непротиворечивого содержания, противостоящего аффективному, хаотичному, случайному, позволяет считать маркером рациональности социальной организации наличие в ней осмысленного и отлаженного порядка деятельности и взаимодействия, противостоящего конфликтности, противоречиям и неопределенности. В ряде случаев авторы произвольно объединяют различные значения рациональности, называя получившийся синтез рациональностью социальной организации. Вместе с тем, приведенные признаки не только не сводятся друг к другу, но и способны конфликтовать. Так, предельная целесообразность может быть недостижима в конкретных средовых условиях функционирования организации (неэффективна): требование эффективности деятельности социальной организации способно сделать необходимым отход от модели предельной целесообразности. Нормативность социальной организации может вступать в конфликт с требованием эффективности ее функционирования, особенно если нормативные практики целедостижения не обеспечены в данном обществе доступными институциональными условиями их реализации. Эффективность деятельности организации может вступать в противоречие с требованием стандартизации целедостижения, когда нахождение эффективных способов деятельности требует выхода за пределы стандартов, применения творческих и инновационных решений. Упорядоченность и

непротиворечивость как характеристики социальной организации не гарантируют реализацию принципа законосообразности ее деятельности: такая упорядоченность способна вступать в противоречие с объективно изменившимися средовыми условиями организации.

Таким образом, понятие «рациональность социальной организации» оказывается размытым и противоречивым по своему содержанию. Предложить вариант решения данной проблемы позволяет общая дефиниция рациональности, способная объединить различные ее интерпретации в непротиворечивую систему критериев рациональности социальной организации.

Исходя из принятой нами дефиниции рациональности *рациональность социальной организации следует определить как совокупность вербализованных рефлексивных содержаний, формирующихся в процессе существования и развития организации и отражающих эти процессы*. Такие содержания оформлены как нормы, правила, формализованные цели организации, коллективные суждения, а также оценки, мнения и цели членов организации. В данном понимании рациональность социальной организации предстает как *когнитивная самообращенность организации как социального объекта*, раскрывающая основные ее параметры. Такой подход позволяет снять конфликтность определений рациональности социальной организации и рассмотреть их как комплекс ключевых ее характеристик. Целесообразность, эффективность, нормативность, способность адекватно реагировать на вызовы внешней среды, законосообразность и другие характеристики организации являются рациональными в той мере, в которой они становятся предметом осознания, рефлексивной деятельности в организации и выражаются вербальными средствами. Такой угол зрения позволяет представить их как непротиворечивую систему критериев, раскрывающих ключевые *содержательные* аспекты рациональности социальной организации. Эмпирическое изучение этих аспектов даст возможность адекватно представить актуальную ситуацию существования и

развития любой действующей социальной организации. Социологическое изучение рациональности организации как социального объекта должно включать исследование вербализованного контента, представленного на различных уровнях организации. Такое исследование в зависимости от поставленных задач может включать контент-анализ печатного материала, связанного с деятельностью организации – уставных документов, корпоративных СМИ, официальных и частных интернет-ресурсов, связанных с деятельностью организации, а также снятие социологической информации с когнитивного слоя коллективного и индивидуальных сознаний членов организации. Теоретической системой интерпретации полученного таким образом эмпирического материала способна выступить структурно-динамическая (универсальная) модель рациональности социальной организации как социального объекта, представленная далее.

Структурно-динамические качества рациональности социальной организации. Двумя элементами, лежащими в основании существования и развития любой социальной организации, являются рациональные и иррациональные ее содержания. Данные элементы существуют как целостность и выступают взаимодополнительными (образуют функциональную слитость). Рациональная сторона данного синтеза представлена совокупностью осознанного – вербализованных рефлексивных содержаний, иррациональная сторона – совокупностью содержаний, выходящих за пределы данного способа оформления. С этой точки зрения в социальной организации нет иных содержаний кроме рациональных и иррациональных. Иррациональные содержания представлены переживаниями членами организации их отношений с действительностью (некогнитивные основания деятельности), коллективными чувствами (в терминах Э. Дюркгейма), выступающими основой актуальных конвенций, норм, правил, мнений, оценок, возникающих в организации. Рациональные содержания – это вербально выраженное рефлексивное оформление указанных оснований существования и развития организации.

Трем иерархическим уровням социальной организации – вещественно-энергетическому, функционально-организационному и информационному – соответствуют типы рациональности, представляющие собой когнитивное оформление актуальных отношений рефлектирующего субъекта с действительностью. Последние детерминированы ценностно-потребностными основаниями его деятельности. Данные типы мы маркировали терминами Л. Колберга: преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный типы соответственно. Они могут быть представлены как уровни рациональности социальной организации. Для их последовательного раскрытия рассмотрим рефлективную оформленность целей социальной организации, для чего разумно применить классификацию, в рамках которой выделены цели-задания, цели-ориентации и цели системы¹⁷⁷.

Важнейшим показателем существования и развития организации выступает рефлективное оформление целей-ориентаций, выражающих актуальные потребности ее членов, реализуемые посредством организации. Цели-ориентации вещественно-энергетического уровня социальной организации обусловлены актуальностью базовых биологических потребностей ее членов и выражают совокупность деятельности и поведения, направленных на достижение соответствующих им ценностей. Подвергнутый рефлективному оформлению указанный класс потребностей обуславливает существование вербально выраженных мнений, оценок, индивидуальных целей членов организации, касающихся удовлетворения таких потребностей. Данный контент маркирован нами как преконвенциональный (доконвенциональный) тип (уровень) рациональности социальной организации. Он связан с докооперативным (индивидуально ориентированным) поведением членов организации, стремящихся к максимизации личной выгоды при минимизации затрат (рациональность Homo Economicus). Цели-ориентации функционально-организационного

---

¹⁷⁷ Пригожин А. И. Современная социология организаций. – М.: Интерфакс, 1995. – С. 54.

уровня обусловлены актуальностью социальных потребностей, детерминирующих стремление индивидов к членству в социальных общностях. Рефлексивное оформление данного уровня ценностно-потребностной системы индивидов представляет собой конвенциональный тип рациональности, который связан с кооперативным поведением членов организации (ориентированным на групповые нормы и ценности – рациональность Homo Sociologicus). Цели-ориентации информационного уровня обусловлены актуальностью духовного уровня ценностно-потребностной системы членов организации. Рефлексивное оформление здесь получают уникальные формы и способы отношения индивидов с действительностью, связанные с их стремлением к творчеству и самоактуализации. Данному уровню соответствует постконвенциональный тип рациональности, связанный с посткооперативным поведением членов организации. Их поведение здесь ориентировано на творческий поиск новых моделей и способов деятельности, выработку инновационных подходов к достижению целей организации.

Таким образом, на вещественно-энергетическом уровне рациональности социальной организации мы имеем дело с некоторым количеством членов организации, основным мотивирующим фактором для которых служит стремление к достижению личных целей за счет организации. Они, как правило, формально членствуют в организации, «не болеют душой» за ее развитие, не являются активными участниками общих организационных событий и процессов. На функционально-организационном уровне рациональности организации представлены индивиды, активно участвующие в организационных процессах, приверженные коллективности и созидающие организацию как сплоченную общность. На информационном уровне рациональности организации мы находим индивидов, ориентации которых представляют собой творческий, инновационный потенциал организации, необходимый для ее качественного развития и совершенствования. Соотношение соответствующих указанным уровням

типов рациональности, выражающих цели-ориентации, отражает «собственную» рациональность социальной организации (обозначим ее как внутреннюю), раскрывающую внутренние социальные ресурсы ее существования и развития. Прековенциональный, конвенциональный и постковенциональный типы рациональности впервые выявлены в ходе эмпирического исследования рациональности профсоюзной организации студентов одного из вузов Красноярска, произведенного Н.С. Чащиной под руководством автора. Через исследование рефлексивного отражения целей-ориентаций посредством метода факторного анализа выявлены два фактора, объясняющие 65,5 % дисперсии. Наибольшую описательную силу имеет фактор, выражающий сплав конвенционального и постконвенционального типов рациональности (объем объясненной дисперсии – 44,1 %). Он маркирует данную организацию, с одной стороны, как форму участия в общественной жизни, способ приобретения новых знакомств, возможность быть частью сплоченной команды, с другой – как средство личностного саморазвития и самореализации, место осуществления новых идей и проектов. Второй фактор выражает прековенциональный тип рациональности (21,4 %) и характеризует организацию как источник материальной помощи, льгот и гарантий социально-экономической защиты для ее членов. Данный фактор раскрывает вероятный уровень докооперативного поведения, которого следует ожидать от членов организации. Последние рассматривают профсоюз как источник получения личных выгод и скорее не будут являться добровольными и активными участниками общих профсоюзных мероприятий и иных организационных процессов. В результате исследования не выявлен отдельный фактор, выражающий постконвенциональный тип рациональности, что позволяет указать на проблематичность активного инновационного развития организации, источником которого служат ее внутренние социальные ресурсы, в ближайшей перспективе.

Другим содержательным аспектом изучения рациональности социальной организации выступает исследование рефлексивного оформления ее целей-заданий. Такое оформление присутствует в уставных и иных официальных текстах организации. Данный аспект рациональности организации может быть задан любым из уровней рациональности более широкой социальной системы, в которой появляется и существует организация. Цели-задания организации, сформированные на преконвенциональном уровне социальной рациональности, приводят к жизни организации, направленные на удовлетворение потребностей вещественно-энергетического уровня социума. Примером могут служить организации по производству и распределению материальных благ, а также организации, направленные на обеспечение различных видов безопасности. Цели-задания организации, сформированные на конвенциональном уровне социальной рациональности, приводят к жизни организации, направленные на удовлетворение потребностей функционально-организационного уровня социума. Здесь представлены институты гражданского общества в их организационном выражении, организации социального управления различных уровней. Цели-задания организации, сформированные на постконвенциональном уровне социальной рациональности, приводят к жизни организации, специализирующиеся на удовлетворении потребностей информационного уровня социума. Деятельность таких организаций направлена на реализацию творческих, познавательных, иных духовных практик. Такие организации выражают инновационный потенциал общества, создают новые образцы и модели деятельности, являются ресурсом, необходимым для решения актуальных задач развития общества. К ним следует отнести научные, научно-исследовательские, творческие и другие организации подобного типа.

Таким образом, рефлексивное оформление целей-заданий характеризует рациональность организации с точки зрения ее включенности в более широкую социальную систему, раскрывает актуальные социальные

потребности, которые призвана удовлетворять организация (для удобства отличия от внутренней рациональности данный аспект рациональности организации назовем внешним). При этом в любой социальной организации, независимо от специфики ее внешней рациональности, могут доминировать различные уровни рациональности внутренней.

Третья категория целей в рамках применяемой здесь классификации – цели системы – характеризует потребность в выживании организации как социального объекта в условиях внешних изменений. Полагаем, что А.И. Пригожин сужает содержание данной категории, сводя его к удовлетворению телеономических потребностей организаций¹⁷⁸. Выживание организации требует реализации не только телеономических, но и организационных и творческих задач, без решения которых такое выживание в современных условиях проблематично. Вместе с тем, данный автор совершенно справедливо указывает на необходимость их решения, выделяя три уровня целесообразности организации: естественная целесообразность (телеономия), целенаправленность и целеустремленность¹⁷⁹. Естественная целесообразность выражена в задачах самосохранения организации, обеспечения ее устойчивости и равновесия, в основе которых лежат естественные потребности выживания. Целенаправленность связана с задачей обеспечения функционирования организации, построения ее структуры и стандартов деятельности. Целеустремленность – «высшая степень проявления целевой субъектности»¹⁸⁰ – присутствует в задачах творческого развития организации: выработки новых целей и способов их достижения, гибкого реагирования на изменения среды и их упреждения. Данные уровни соответствуют выделенным нами типам рациональности социальной организации и, по нашему мнению, отражают цели организации как системы: естественная целесообразность имеет место на вещественно-

---

¹⁷⁸ Пригожин А. И. Современная социология организаций. – М.: Интерфакс, 1995. – С. 54.

¹⁷⁹ Там же. – С.52–54.

¹⁸⁰ Там же. – С. 53.

энергетическом уровне социальной организации и выражена в преконвенциональном типе рациональности последней, целенаправленность характерна для функционально-организационного уровня организации и находит выражение в конвенциональном типе рациональности, и целеустремленность есть феномен информационного уровня, выраженный в постконвенциональном типе рациональности организации как социального объекта.

Таким образом, рациональность социальной организации выражена в трех типах – преконвенциональном, конвенциональном и постконвенциональном, которые раскрывают иерархические уровни, образованные в процессе существования и развития организации.

Следующий постулат принципа минимального универсума (пять состояний) характеризует динамику рациональности в контексте каждого из трех уровней социальной организации – вещественно-энергетического, функционально-организационного и информационного. Его формализация целесообразна в ходе эмпирического изучения развертывания каждого конкретного уровня исследуемой организации. На нашем уровне обобщения ограничимся указанием на существование данного параметра организации как социального объекта.

Далее, согласно принципу минимального универсума, рациональность социальной организации образует семь слоев (уровней), раскрывающих динамику развертывания вещественно-энергетического, функционально-организационного и информационного уровней социальной организации.

Рефлексивное оформление классов потребностей, соответствующих указанным уровням рациональности, выступает эмпирическим индикатором, репрезентирующим соответствующий им тип рациональности социальной организации. Заметим, что в зависимости от конкретных познавательных задач количество слоев, раскрывающих уровни рациональности социальной организации, может быть изменено. Данное обстоятельство не снижает познавательной ценности используемой нами теоретической модели: любая

классификация потребностей может быть эмпирически редуцирована к семи уровням ценностно-потребностной системы, что является достаточным основанием для описания структурно-динамических качеств последней.

Обобщая обсужденные признаки рациональности социальной организации, представим их в виде матрицы (табл. 3).

Таблица 3. Структурно-динамические качества рациональности организации как социального объекта

Два элемента	Три иерархических уровня	Семь эволюционных слоев
<p>Рационально-иррациональный синтез. Совокупность рефлексивно оформленных содержаний социальной организации</p>	<p><i>постконвенциональный тип рациональности</i> посткорпоративное поведение: выход за пределы социальных конвенций и стандартов поведения, уникальные социальные практики, творчество, инновации</p>	уникальные рефлексивные практики, выражающие процесс самоактуализации индивидов
		рефлексивное оформление эстетических потребностей (гармония, порядок, симметрия, структура); уникальные эстетические практики
		рефлексивное оформление познавательных потребностей; исследования, практики достижения нового знания
	<p><i>конвенциональный тип рациональности</i> кооперативное поведение: социально-групповые установления, нормы, правила, социальная солидарность</p>	рефлексивное оформление потребностей в признании, авторитете; социально-организующие модели поведения; социальное управление
		рефлексивное оформление потребности в присоединении; социально-нормативные модели поведения; групповая солидарность
	<p><i>преконвенциональный тип рациональности</i> докооперативное поведение: практика экономического типа социального поведения</p>	рефлексивное оформление потребности в безопасности, практики достижения физической безопасности
рефлексивное оформление физиологических потребностей, практики их удовлетворения		

Представленная матрица может быть «наложена» на любую действующую социальную организацию для изучения ее рациональности. Полученное в результате знание позволит выявить уровень эволюционного развития организации, внутренние ограничения и ресурсы ее деятельности,

зону ее ближайшего развития, а также оценить адекватность концепции управления организацией уровню ее эволюционного развития. Такое знание создает возможность оптимизации деятельности организации за счет построения эффективных стратегий управления и развития организации.

Таким образом, рациональность организации как социального объекта есть совокупность вербализованных рефлексивных содержаний, формирующихся в процессе ее возникновения, существования и развития и выражающих эти процессы. Такой подход позволяет объединить различные признаки, обсуждаемые исследователями как маркеры рациональности, в непротиворечивую систему критериев, раскрывающих основные содержательные аспекты рациональности организации.

Другая проблема, внести вклад в решение которой позволяет предложенный нами подход, – проблема управления социальной организацией. Данная проблема разработана в отечественной и зарубежной социологии, обоснованы и четко формализованы принципы управления¹⁸¹. Вместе с тем, при наличии современных научных подходов требует уточнения принцип учета параметра рациональности организации при построении управленческих стратегий. Проблема состоит в плюрализме интерпретаций рациональности социальной организации и их конфликтном характере, что приводит к размыванию содержания упомянутого принципа и тем самым затрудняет его эффективное применение. Предложить решение указанной проблемы позволяет постнеклассический (универсумный) подход, в рамках которого разработана универсумная социологическая теория рациональности, раскрывающая структурно-динамические качества рациональности любой социальной системы. С точки зрения данного подхода рациональность социальной организации как социальной системы представляет собой совокупность вербализованных рефлексивных

---

¹⁸¹ Дятлов А. Н., Плотников Н. В. Управление организацией [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19186664/#4> Дата обращения 08.06.2013; Румянцева З. П. Общее управление организацией. Теория и практика: учебник. – М.: ИНФРА-М., 2007 и др.

содержаний, формирующихся в процессе возникновения, существования и развития организации и выражающих эти процессы. Определенная таким образом рациональность организации имеет иерархическую структуру и образует три типа (преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный), проявляющих ценностно-потребностное отношение членов организации к действительности. Наряду с этим данные типы являются маркерами соответствующих им типов солидарности организации как социальной общности и на уровне социального поведения членов организации, раскрывают уровень кооперации организации как социального объекта. Таким образом, параметр рациональности социальной организации выражает актуальные социальные ресурсы ее существования и развития, а его учет служит необходимым условием разработки и применения эффективных моделей управления организацией.

Выделенные типы рациональности социальной организации являются репрезентантами соответствующих им уровней развития организации (вещественно-энергетического, функционально-организационного и информационного – в терминах универсального подхода), требующих собственных управленческих моделей: модель управления, применимая на одном уровне, становится неадекватной на другом.

Прекоконвенциональный тип рациональности организации представлен рефлексивным оформлением базовых физиологических потребностей членов организации. Здесь индивиды рассматривают организацию как источник личных выгод, которые следует достигать с минимальными затратами. Пользуясь терминами Э. Дюркгейма, можно сказать, что солидарность членов организации на данном уровне является механической, основанной на общих сходствах (типы солидарности Э. Дюркгейма в их соотношении с типами социальной рациональности рассмотрены нами в работе «Проблема социальной рациональности и теория солидарности Э. Дюркгейма. Постнеклассический (универсальный) подход»). Для обозначения такого типа солидарности Дюркгейм также применяет понятия «отрицательная» и

«вещная» солидарность. Вещная солидарность «прямо связывает вещи с личностями, а не личности между собой. <...> Такая солидарность, стало быть, не делает из сближаемых ею элементов целого, способного действовать единообразно; она ни в чем не содействует единству социального тела»¹⁸². На данном уровне организации мы имеем дело с атомизированными индивидами, достигающими необходимых им благ путем конкуренции. С точки зрения приверженности кооперации такое поведение членов организации является докооперативным. Именно докооперативное поведение приводит к возникновению социальных дилемм¹⁸³, маркированных в социологии как проблема бесплатного пассажира¹⁸⁴, проблема «безбилетника»¹⁸⁵ и парадокс кооперации¹⁸⁶.

На данном уровне целесообразна жесткая иерархическая модель управления, ориентированная на общие сходства членов организации (как известно, О. Конт, указывая на опасность распада общества, состоящего из атомизированных индивидов, связывал ее преодоление с функцией управления, способной обеспечить дисциплину). Здесь необходима централизация управления, бюрократическая организация власти. Применяя выводы Дюркгейма, следует указать на целесообразность введения на данном уровне социальной организации разделяющих норм и правил, использования репрессивных санкций. Рассматривая особенности управления на соответствующем преконвенциональному типу рациональности вещественно-энергетическом уровне организации сквозь

---

¹⁸² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – С. 114.

¹⁸³ Муздыбаев К. Социальные дилеммы и способы их решения // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. X, №2. – С. 99–122.

¹⁸⁴ Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 414–420.

¹⁸⁵ Радаев В. О рациональности в коллективном действии (о книге М. Олсона «Логика коллективных жействий» // Вопросы экономики. – 1996. – №10. – С. 145.

¹⁸⁶ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М.: ФЭИ, 1995; Шевченко А. А. Рациональность как характеристика коллективного действия // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 1. – С. 70–74.

призму оппозиции «бюрократ-профессионал», следует утверждать ведущую роль бюрократического типа управления (выводы исследователей, раскрывающие данную оппозицию, обобщены Р.Д. Хунаговым¹⁸⁷). Бюрократический и профессиональный типы управления в организациях имеют различные основания легитимации: первый базируется на праве управления, обусловленном позицией в иерархии, и предполагает принудительное подчинение, второй осуществляется на основе признания профессиональных знаний и умений субъекта и предполагает добровольное подчинение.

Конвенциональный тип рациональности организации представлен как рефлексивное оформление социальных потребностей ее членов: быть принятым, включенным в общность, иметь уважение и авторитет. На данном (функционально-организационном) уровне организация выступает как источник социальных ценностей, достигаемых в процессе группового взаимодействия. Для него характерен органический тип солидарности: члены организации выступают друг для друга необходимым условием удовлетворения социальных потребностей, вследствие чего нуждаются друг в друге, предпочитая совместность с другими субъектами изолированности. Последнее обстоятельство обуславливает их ориентацию на кооперацию и формирует «единство социального тела». С точки зрения приверженности кооперации поведение членов организации на данном уровне является кооперативным. Здесь целесообразна модель управления, ориентированная на групповые различия, основанная на соединяющих нормах и правилах. В отличие от предыдущего уровня на уровне конвенциональной рациональности организации необходимо делегирование части властных полномочий управляемой подсистеме организации, использование реститутивных санкций. Применение бюрократического и профессионального типов управления здесь должно достигать определенного

---

¹⁸⁷ Хунагов Р. Д. Проблема рациональности организационных структур // Социологические исследования. – 1995. – №7. – С. 125–130.

баланса: данные типы должны дополнять друг друга. При этом профессиональное управление целесообразно в той мере, в которой осуществляется делегирование властных полномочий.

Постконвенциональный тип рациональности организации связан с рефлексивным оформлением духовных потребностей ее членов, их стремления к профессиональной самореализации. Здесь, на информационном уровне, социальная организация становится местом самоактуализации ее членов, в ходе которой они реализуют творческие, инновационные практики в контексте профессиональной деятельности. Такие индивиды обладают определенной автономией от профессиональной группы и индивидуально устанавливают отношение с профессией, отказываясь от посредничества группы. Появление автономных в указанном смысле индивидов Э. Дюркгейм определил как «индивидуальный тип», противопоставив его коллективному типу. Для данного уровня социальной организации характерен сверхорганический тип солидарности, основанный на индивидуальных различиях. С точки зрения приверженности кооперации поведение членов организации на данном уровне является посткооперативным: индивиды здесь выступают источником собственных ориентаций, их поведение выходит за пределы социально-групповой детерминации. На данном уровне целесообразна модель децентрализованного управления, ориентированная на индивидуальные различия и применяющая нормы и правила, направленные на санкционирование практик самореализации, создание условий для творчества и инноваций. Такое управление должно быть ориентировано на согласование и реализацию интересов самоактуализированных личностей, обеспечение пространства их взаимодействия. Управление здесь осуществляется в процессе самоорганизации взаимодействия и предстает как совокупность флуктуаций, несистематически проявляющихся в социальном пространстве. При этом управляющая подсистема организации реализует функции централизованного управления в том случае, если исчерпана возможность самоорганизации на локальном уровне. Ориентация на

творчество и инновационную деятельность обуславливает необходимость применения и ведущую роль профессионального типа управления. Применение бюрократического управления здесь нецелесообразно с точки зрения стимулирования творческой деятельности. Как отмечает Р.Д. Хунагов, «творчество как предпосылка любой инновации есть результат внутренней потребности личности и связано с чувством глубокого внутреннего удовлетворения, которым бюрократическая организация манипулировать не в состоянии»¹⁸⁸.

Таким образом, различные типы рациональности социальной организации требуют применения соответствующих им моделей управления. Углубляя данный вывод, следует утверждать различия и в типах управленцев, осуществляющих руководство на разных уровнях организации. Так, уровень преконвенциональной рациональности организации требует в качестве руководителя бюрократа, осуществляющего управление «сверху-вниз». Основная задача такого управленца – обеспечение функционирования жесткой системы норм и санкций, регулирующих конкуренцию в контексте докооперативного поведения членов организации. Уровень конвенциональной рациональности организации требует организатора, способного осуществлять управление «по горизонтали». Его задача – обеспечение кооперативных отношений между различными социальными группами, составляющими организацию, применение системы норм и правил, формирующих единство организации как социальной общности. Уровень постконвенциональной рациональности организации требует в качестве управленца «креативного менеджера», способного осуществлять управление «снизу-вверх». Задача такого управления – создание условий для посткооперативного взаимодействия профессионалов, стимулирование творческой, инновационной деятельности в его контексте. Цель управления на данном уровне состоит в достижении инновационных решений,

---

¹⁸⁸ Хунагов Р. Д. Проблема рациональности организационных структур // Социологические исследования. – 1995. – №7. – С. 127–128.

позволяющих организации подниматься на качественно более высокие ступени развития. Именно для управления посткооперативным взаимодействием (управления «снизу-вверх») имеет значение известное высказывание С. Джобса: «Нет смысла нанимать толковых людей, а затем указывать, что им делать. Мы нанимаем людей, чтобы они говорили, что делать нам».

В качестве резюме представим выводы о соответствии моделей управления социальной организацией типам ее рациональности посредством таблицы 4.

Таблица 4. Типы рациональности и модели управления социальной организацией

Тип рациональности	Тип управления	Свойства управления	Типы управленцев
Постконвенциональный	управление, ориентированное на индивидуальные различия	<ul style="list-style-type: none"> ▪ децентрализация управления ▪ управление – совокупность флуктуаций, несистематически проявляющихся в управляемой подсистеме ▪ управление направлено на согласование и реализацию интересов самоактуализированных личностей ▪ правила, ориентированные на поощрение творчества, создание условий для инновационной деятельности 	<i>«креативный менеджер»</i> , управление «снизу-вверх», бюрократ-профессионал (ведущая роль профессионального управления)
Конвенциональный	управление, ориентированное на групповые различия	<ul style="list-style-type: none"> ▪ делегирование части властных полномочий управляемой подсистеме организации, демократизация управления ▪ номы и правила, обеспечивающие кооперацию между различными социальными группами, формирующие «единство социального тела» организации ▪ реститутивные санкции 	<i>«организатор»</i> , управление «по горизонтали», бюрократ-профессионал (достижение разумного баланса в применении бюрократического и профессионального типов управления)
Преко́нвенциональный	управление, ориентированное на общие сходства индивидов	<ul style="list-style-type: none"> ▪ централизация управления ▪ бюрократия, иерархическая модель управления ▪ нормы и санкции, регулирующие конкуренцию в контексте докооперативного поведения членов организации ▪ репрессивные санкции 	<i>«бюрократ»</i> , управление «сверху-вниз», бюрократ-профессионал (ведущая роль бюрократического управления)

Представленные в таблице теоретические результаты позволяют утверждать необходимость учета параметра рациональности социальной организации как принцип управления организацией, обеспечивающий адекватность модели управления актуальному состоянию управляемой организации. Соотношение уровней рациональности в конкретной организации определимо с помощью эмпирического исследования, на основе эмпирической редукции признаков, маркирующих преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный типы рациональности. Такое исследование позволит управляющей подсистеме получить научно обоснованную информацию об актуальных социальных ресурсах организации, а также сконструировать эффективную модель управления для каждой конкретной социальной организации. Считаем, что предлагаемый нами подход применим в социальной организации любого типа: в любой, в т.ч. механической, организации имеют место индивиды, не одинаково переживающие свои отношения с действительностью, и, следовательно, присутствуют разные типы рациональности, требующие учета при принятии управленческих решений.

§6. Познавательные перспективы в социологии с точки зрения универсумной теории рациональности

В настоящее время в социологии справедливо утверждение о недостаточности эпистемологической рефлексии с позиций современного этапа развития социологического знания¹⁸⁹. Рассмотрение познавательных перспектив в социологии с точки зрения постнеклассической (универсумной) теории рациональности может внести позитивный вклад в осуществление такой рефлексии.

Познавательными перспективами называют способы понимания социальной реальности (модели социологического объяснения, исследовательские программы), выраженные в ключевых интерпретативных схемах¹⁹⁰. Проблематизация соотношения понятий «перспектива», «парадигма», «метопарадигма», «исследовательская программа» не входит в наши задачи, в связи с чем во всех случаях будем применять понятие «познавательная перспектива», к чему имеются достаточные основания. Различия между перспективами устанавливаются по признакам применяемых в них нормативных, логических, методологических и содержательно-теоретических стандартов. Эти признаки, как правило, становятся основаниями для классификаций познавательных перспектив. Так, российские и зарубежные социологи для различения познавательных перспектив используют признаки их базовых теоретических предположений, способа интерпретации объекта наблюдения, языка описания объекта, применяемых объяснительных схем, эталонов научности, способов верификации т.п. Классификации, построенные на данных основаниях, во

---

¹⁸⁹ Дудина В. И. К многомерной эпистемологии современного социологического знания // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы VI Очередного Всероссийского социологического конгресса. Сессия 2. XIV Харчевские чтения «Измерения социологического знания». – Уфа, 2012. – С. 309

¹⁹⁰ Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 1. Теория и методология. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 362–363; Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М.: Аванти плюс, 2003. – С. 44

многим решают задачи осмысления и структурирования накопленного опыта социального познания. С точки зрения современной постнеклассической социологии такие классификации обладают общей чертой, которая делает их дискуссионными: в них прослеживается установка «абсолютного наблюдателя», характеризующая познавательные перспективы как системы теоретических координат, исключенные из структур жизненного мира, свободные от социально-групповых предпосылок, т.е. как автономный участок реальности. Вместе с тем, данная автономность перспектив как особой интеллектуальной реальности исключительно умозрачна, а установка абсолютного наблюдателя неоднократно подвергнута критике с позиций социологии знания. Наряду с этим различными социальными исследователями неоднократно показана слитость интеллектуальных, социальных и аффективных процессов. Так, Р. Коллинз в «Четырех социологических традициях» отталкивается от тезиса о том, что «социальная наука происходит из социального базиса, раскрывающего науку как социально мотивированную, определяемую обществом, в котором живет ученый»¹⁹¹. Результаты исследований Л.С. Выготского указывают на неразрывность интеллектуальных и аффективных процессов, разделение которых превращает мышление в «автономное течение себя мыслящих мыслей». Несомненно, что «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее»¹⁹². Слитость аффективных и социальных процессов показана в выводах Э. Дюркгейма о природе преступления, которые утверждают укорененность норм уголовного права в эмоциях и чувствах членов общества. Преступление создается противоположностью между тем или иным деянием и коллективными чувствами и происходит от этой

---

¹⁹¹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – С. 16

¹⁹² Выготский Л. С. Мышление и речь // Мышление и речь: сборник. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 25-26

противоположности¹⁹³. Осознание последней лежит в основе коллективных оценок, создающих вербально оформленные нормы, выражающие коллективные чувства.

Обобщением приведенных выводов исследователей может служить тезис А. Гоулднера о том, что социальные теории содержат два хорошо различимых класса элементов: «постулаты», выражающие когнитивный компонент теорий, и «неявные базовые предпосылки», раскрывающие докогнитивные их основания¹⁹⁴. Продолжая данную мысль, следует полагать, что подобная структура присуща и познавательным перспективам, которые выражены в соответствующих им социологических теориях. При этом постулаты (вербально выраженные маркеры познавательных перспектив) представляют собой производные, построенные на докогнитивных основаниях, связанных с особенностями переживаний исследователями их отношений с действительностью. Такие переживания, маркированные в социальных науках различными терминами (проникающие ценностные ориентации¹⁹⁵, сверхценные переживания¹⁹⁶), как детерминанты социального поведения, обуславливают приверженность исследователя той или иной познавательной перспективе.

Из сказанного вытекает, что приведенные выше основания для классификации познавательных перспектив позволяют классифицировать не перспективы как таковые, а их теоретические положения – когнитивный компонент перспектив. Данное обстоятельство приводит к тому, что в рамках таких классификаций познавательные перспективы в социологии оказываются лишенными своих базовых оснований, выведенными за пределы действительности. Таким образом, проблема состоит в

---

¹⁹³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – С. 82.

¹⁹⁴ Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии: пер. с англ. – СПб.: Наука, 2003. – С. 54–56.

¹⁹⁵ Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978.

¹⁹⁶ Немировский В. Г. Социология личности. Теория и опыт исследования. – Красноярск: Изд-во Красноярского государственного университета, 1989.

необходимости применения такого основания для классификации познавательных перспектив, которое позволило бы рассмотреть последние как неотъемлемую часть социальной реальности, вернув им базовую укоренность. Инструментом такого поиска может выступить постнеклассическая (универсумная) теория рациональности, в контексте которой познавательные перспективы предстают как одна из репрезентаций социальной рациональности. Классификация, построенная в рамках такого подхода, позволит дополнить существующие способы классификации перспектив в социологии и предложить вариант решения указанной проблемы. В данной работе мы не претендуем на полный обзор социологических теорий (это задача отдельного фундаментального исследования), но ставим своей задачей обсудить их количество, достаточное для объяснения нашей точки зрения.

В современной социологии присутствуют различные классификации познавательных перспектив, среди которых встречаются как дихотомические, так и политомические способы деления. Распространенной дихотомией служит классификация, в рамках которой выделяют сциентистскую и гуманистическую перспективы¹⁹⁷. Сциентизм представляет собой «прямую» перспективу, основан на количественной методологии и рассматривает общество как объективную реальность; гуманистическая перспектива является «обратной», основанной на качественной методологии и антропоцентричной по принципу понимания социальной реальности. К первой относят социологический позитивизм, структурный функционализм, марксизм, ко второй – символический интеракционизм, феноменологическую социологию, этнометодологию. Основаниями в данной классификации выступают объект наблюдения и способ его интерпретации: в первом случае объектом служит надындивидуальная социальная реальность, изучаемая количественными методами, во втором – персональная

---

¹⁹⁷ Добренков В. И, Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 1. Теория и методология. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 364.

реальность, изучаемая качественными методами. В рамках другой дихотомии обсуждается, с одной стороны, перспектива, объясняющая многообразие культурных и социальных феноменов логикой действия внешних регулирующих принципов, «внешнего причиняющего начала», с другой – перспектива, утверждающая автономию культурных содержаний, области смысла, признающая, что «сфера символических классификаций обладает причиняющей силой»: «железная клетка vs. культур-автономия»¹⁹⁸. Подробно разработана классификация познавательных перспектив по основанию лежащих в их основе базовых предположений. Данное основание приводит к жизни дихотомии «методологический» индивидуализм, антропоцентричный в своих базовых предположениях, – «методологический» холизм, утверждающий примат общества над индивидом, а также субъективизм – объективизм¹⁹⁹.

Среди политомических классификаций обращают на себя внимание следующие. Р. Коллинз выделил четыре перспективы, названные им социологическими традициями²⁰⁰: традиция конфликта, которую данный автор усматривает в социологиях К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, К. Маннгейма, Ч.Р. Миллса, Л. Козера, Р. Дарендорфа и др.; рациональная (утилитарная) традиция, к которой он относит теорию социального обмена, теории рационального выбора (действия); представленная на макро- и микроуровнях социологического анализа традиция Дюркгейма, отправными точками которой автор считает социологии О. Конта, Г. Спенсера, функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона, структурализм К. Леви-Стросса, социальную антропологию, теорию культурного капитала П. Бурдьё, теорию ритуальных цепей взаимодействия Р. Коллинза и др.; микроинтеракционистская традиция, «которая движется от Чарльза Холторна

---

¹⁹⁸ Куракин Д. Ю. Символические классификации и «Железная клетка»: две перспективы теоретической социологии // Социологическое обозрение. – 2005. – т. 4. – № 1.

¹⁹⁹ Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М.: Аванти плюс, 2003. – С. 45–48.

²⁰⁰ Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.

Кули, У. А. Томаса и Джорджа Герберта Мида к Гарольду Гарфинкелю и этнометодологам». В качестве основания в данной классификации используется признак ключевой характеристики социальной реальности, выступающей своего рода оптикой, сквозь призму которой исследователи наблюдают данную реальность. В традиции конфликта это, соответственно, конфликт, в традиции Дюркгейма – солидарность, в утилитарной традиции – обмен, в микроинтеракционистской – идентичность²⁰¹. Дж. Ритцер использует четыре критерия, на основании которых выделяет парадигмы социальных фактов, социального определения и социального поведения: теоретический образец, определение предметной области, методы, теории²⁰². А.А. Давыдов различает гуманитарную, естественно-научную и математическую парадигмы, специфика которых устанавливается по критериям применяемых объяснительных схем, способов верификации, эталонов научности и языков описания²⁰³. С.А. Кравченко выделяет пять метапарадигм, различия между которыми обусловлены факторами плюралистичности социума и характером его саморазвития, детерминированного увеличением динамической сложности и уменьшенным временным масштабом существования²⁰⁴. К ним относятся позитивистская метапарадигма, основанная на постулате линейного развития; интерпретативная метапарадигма, утверждающая множество возможностей развития и субъективно сконструированных миров; интегральная метапарадигма, объясняющая социокультурную динамику социума через призму неопределенных флуктуаций, непреднамеренных последствий, амбивалентности функциональности/нефункциональности; рефлексивная

---

²⁰¹ Россман В. Рэндалл Коллинз // Коллинз Р. Четыре социологические традиции / пер. В. Россмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – С. 10.

²⁰² Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 571–573.

²⁰³ Давыдов А. А. Социология как метапарадигмальная наука // Социологические исследования. – 1994. – № 9. – С. 85–87.

²⁰⁴ Кравченко С. А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. – 2007. – № 3.

метапарадигма модерна, обсуждающая социум в терминах фрагментации, дисперсии, разрывов социальной реальности, в которой действуют рефлексивные акторы в ускользящем мире; нелинейная метапарадигма постмодерна, в рамках которой социум предстает как глоболокальное многообразие, пронизанное бифуркациями.

Из приведенного краткого обзора видно, что применяемые основания для классификаций познавательных перспектив позволяют классифицировать, главным образом, их теоретические положения. Последние характеризуются многими методологическими и методическими аспектами, что обуславливает существование целого ряда классификаций, в которых эти аспекты становятся основаниями разделения теорий. Данное обстоятельство приводит к появлению различных систем классификации теоретических положений, не всегда соотносимых друг с другом.

Мы рассмотрим познавательные перспективы как репрезентацию социальной рациональности, что позволит подойти к задаче их классификации с точки зрения типов рациональности, раскрывающих различные уровни социальной реальности. Такой подход дает возможность подвергнуть классификации не только теоретические положения, но и перспективы как таковые в единстве их когнитивных и докогнитивных компонентов. Применение универсальной социологической теории рациональности для экспликации познавательных перспектив в социологии позволяет сделать следующие выводы.

1. Познавательные перспективы в социологии представляют собой одну из репрезентаций социальной рациональности. Это означает, что познавательные перспективы должны быть рассмотрены как процесс и результат вербализованной рефлексии социальных акторов (в этой связи Э. Гидденс совершенно справедливо определяет социальные науки как

формализованную версию рефлексии²⁰⁵). Поэтому перспективы предстают не просто как система теоретических положений, обсуждающих реальность под определенным углом зрения, а как факты осознания реальности сквозь призму собственных онтологических характеристик познающих субъектов. Такие характеристики связаны с исходными детерминантами активности субъектов и создают основу для формализации теорий. В истории социологии известны примеры, когда явно просматривалась связь между особенностями теорий и обстоятельствами жизни их авторов. Так, переход О. Конта от «объективной» к «субъективной» социологии сопровождался изменениями в его мироощущении и личной жизни; К. Маркс с его конфликтным характером и стремлением к борьбе (что отражают, в частности, его стихотворные произведения) одно из ключевых содержаний в своей социальной теории связывает с конфликтом и противоречиями; мировоззренческий кризис, неудачи в политической карьере и личной жизни оказали серьезное влияние на социологические взгляды В. Парето.

Как отмечает А. Гоулднер, «неявные базовые предпосылки» образуют базу, на которой строятся постулаты, представляют основание для их выбора, служат невидимым цементом, связующим постулаты друг с другом и неосознанно включаются в постулаты теории²⁰⁶. Сходство докогнитивных характеристик выступает основанием приверженности исследователей общей системе теоретических положений. Так, «в определенной мере теории принимают или отвергают из-за содержащихся в них неявных базовых предпосылок. В частности, более вероятно, что определенная социальная теория будет принята теми, кто разделяет неявные базовые предпосылки теории и согласен с ними»²⁰⁷.

---

²⁰⁵ Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховика; Д.А. Кибальчича; вступ. ст. Т.А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – С. 158.

²⁰⁶ Гоулднер. А. У. Наступающий кризис западной социологии: пер. с англ. – СПб.: Наука, 2003. – С. 55

²⁰⁷ Там же.

Таким образом, под познавательными перспективами в социологии следует понимать модели социологического объяснения, основанные на близости мироощущений приверженных им исследователей, сходным образом переживающих действительность, имеющих сходное отношение к миру и (или) его частям. Напротив, диссонанс мироощущений приводит к возникновению разных объяснительных моделей, которые используют собственные интерпретативные схемы. Данная мысль не нова: еще Платон, указал на докогнитивные основания солидарности. Объединяющим государством фактором он называет «общность удовольствия или скорби, когда чуть ли не все граждане одинаково радуются либо печалются, если что-нибудь возникает или гибнет». Напротив, «обособленность в таких переживаниях нарушает связь между гражданами, когда одних крайне удручает, а других приводит в восторг состояние государства и его населения»²⁰⁸.

2. С точки зрения нашего подхода познавательные перспективы как репрезентация социальной рациональности выражают преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный типы рациональности, раскрывающие соответствующие им уровни эволюционного развития социума. В рамках этих типов познавательные перспективы имеют отличительные признаки, проявленные как в докогнитивных их предпосылках, так и в теоретических положениях. Выявление и формализация данных признаков в их соотнесенности с указанными типами рациональности позволит построить классификацию познавательных перспектив в единстве составляющих их компонентов. Поскольку неявные базовые предпосылки возможно исследовать только через их вербальное выражение, предпримем попытку реконструкции докогнитивных предпосылок, лежащих в основе современных социологических теорий.

---

²⁰⁸ Платон. Государство. Законы. Политик / предисл. Е. И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – С. 214.

Здесь выскажем *гипотезу*, что если социум есть иерархическое соотношение вещественно-энергетического, функционально-организационного и информационного уровней развития (согласно универсальной социологической теории), то познавательные перспективы как форма социальной рациональности должны репрезентировать данные уровни. Далее рассмотрим ряд теоретических образцов сквозь призму применяемого нами подхода.

Когнитивная самообращенность социума на вещественно-энергетическом уровне раскрывается в преконвенциональном типе рациональности. В социальных науках как формализованной версии рефлексии данный тип выражен в теориях, интерпретирующих социальную реальность как совокупность интеракций, которые детерминированы «собственными» мотивациями социальных акторов. Такие мотивации связаны с индивидуальными (в отличие от групповых) ориентациями социальных субъектов. При этом субъект не свободен в выборе ориентаций: они заданы необходимостью удовлетворения базовых дефицитов организма, обуславливающих его стремление к приобретению *индивидуальных ресурсов* как на биологическом, так и на социальном уровнях. Докогнитивными основаниями теорий здесь служат переживания действительности как пространства конкуренции атомизированных акторов, преследующих индивидуальные цели. Общая модель объяснения, которая применяется в таких теориях для интерпретации социального поведения, а также более широких социальных процессов, может быть выражена в формуле «индивидуальная цель-действие». Примерами теоретических образцов, которые в обобщенном виде следует отнести к репрезентациям преконвенционального типа социальной рациональности, могут служить теории социального конфликта, социального обмена, рационального выбора, функционализм Б. Малиновского.

Теории социального конфликта выражают «видение социального порядка, которое предполагает наличие групп и индивидуумов, пытающихся

продвинуть свои собственные интересы за счет других; в процессе борьбы за преимущества могут происходить открытые столкновения»²⁰⁹. В различных теориях социального конфликта обсуждается несовместимость целей социальных акторов, связанных с их физическим выживанием, материальными, экономическими, властными и другими интересами. Действия в направлении достижения таких целей неизбежно приводят акторов к столкновению. В теории социального обмена Дж. Хоманса рассматривается поведение отдельных индивидов, движимых стремлением к удовлетворению собственных потребностей путем получения вознаграждений в процессе обмена деятельностью с другими. При этом на уровне группового взаимодействия такие индивиды также проявляют эгоизм: они следуют групповым нормам постольку, поскольку осознают, что такое следование принесет им чистую выгоду²¹⁰. Сходный взгляд на социальную реальность присутствует в теории социального конфликта П. Блау, который использует его для рассмотрения социальных интеракций на микро- и на макроуровне. На уровне макросоциальных структур имеет место не прямой обмен, связанный с обменом вознаграждениями между индивидом и коллективом, а также между коллективами. Подобный методологический индивидуализм прослеживается и в рамках теорий рационального выбора. Социальные акторы действуют в направлении максимизации собственной выгоды, принимают решения о поведении путем соотнесения индивидуальных целей, средств и условий деятельности. Примером обсуждения более широких социальных процессов с точки зрения обсуждаемой перспективы может служить функционализм Б. Малиновского. Определяющие факторы культуры усматриваются им в сфере биологических побуждений человеческого организма. Культура понимается как

---

²⁰⁹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – С. 61.

²¹⁰ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 322.

совокупность культурных ответов на базовые физиологические потребности социальных субъектов²¹¹.

Когнитивная самообращенность социума на функционально-организационном уровне раскрывается в конвенциональном типе рациональности. Данный тип выражен в социологических теориях, интерпретирующих социальную реальность как обладающее определенной автономией коллективное единство, которое обусловлено деятельностью социальных субъектов, мотивированных групповыми ценностями. Такая интерпретация ставит во главу угла социально-групповую идентификацию акторов, что является когнитивным ответом на актуальность их социальных потребностей, связанных с групповыми (в отличие от индивидуальных) ориентациями. Докогнитивными основаниями теорий здесь служат переживания социальной действительности как кооперации взаимодействующих акторов, приверженных коллективным целям. Общая модель объяснения, которая применяется в таких теориях для интерпретации социального поведения, а также более широких социальных процессов, может быть выражена в формуле «социальная норма-следование». Примерами теоретических образцов выступают социологизм Э. Дюркгейма, структурный функционализм Т. Парсонса, теория социальных систем Н. Лумана.

Так, Дюркгейм делает акцент на социальной солидарности как ключевой характеристике общественного состояния. Общество как самостоятельно существующая реальность оказывает принудительное воздействие на индивидов, обуславливая нормативную заданность их социального поведения. В структурном функционализме с его базовой идеей социального порядка в центре внимания системность, равновесие как ключевые характеристики общества. Социальная система как комплекс нормативных правил, ценностей и верований, состоит из подсистем,

---

²¹¹ Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005.

обеспечивающих удовлетворение четырех базовых потребностей социальных акторов – целедостижение, интеграцию, адаптацию, поддержание образцов. В теории социальных систем Н. Лумана общество как автопоэзийная система производит свои собственные базовые элементы, создает собственные границы и структуры, оно самореферентно и замкнуто²¹². Общество существует как коммуникация и отдельные индивиды относятся к нему в той мере, в какой они являются участниками коммуникации. В иных аспектах (биологических и психических) индивид выводится за пределы общества, рассматривается как часть его внешней среды.

Когнитивная самообращенность социума на информационном уровне раскрывается в постконвенциональном типе рациональности. Данный тип выражен в социологических теориях, раскрывающих социальную реальность как сферу деятельности и взаимодействия относительно автономных акторов, реализующих в данной деятельности субъективно значимые смыслы. В отличие от теорий, выражающих преконвенциональную рациональность социума, здесь социальные субъекты приобретают относительную свободу от биологической и социальной детерминаций и становятся источником собственных ориентаций. Их социальное поведение предстает как процесс осуществления таких ориентаций (самоосуществление относительно автономного субъекта). Докогнитивными основаниями теорий здесь служат переживания социальной действительности как интересубъективной по своей природе, как пространства, в котором действуют самоактуализирующиеся социальные субъекты. Общая модель объяснения, которая применяется в таких теориях для интерпретации социального поведения, а также более широких социальных процессов, может быть выражена в формуле «субъективный смысл-выражение» (характерно, что подобную формулу применяет Т. Парсонс для обозначения идеалистической теории действия, в рамках которой действие предстает как процесс эманации субъективного

---

²¹² Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 223.

смысла²¹³). Примеры теоретических образцов – субъективная (этико-социологическая) школа в русской социологии, феноменологический социологический подход, экзистенциальная социология.

Так, в социологии П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского движущей силой развития общества выступают отдельные личности с их субъективными интерпретациями действительности. Согласно «антропологической» точке зрения П. Л. Лаврова, на высшей ступени развития личность вырабатывает в себе идеал человеческого достоинства и воплощает его в жизнь, что выражает мотивы общественной деятельности личности²¹⁴. Н.К. Михайловский, указывая на необходимость учета субъективного фактора в изучении социальных процессов, ставит в центр своего теоретизирования личность с присущими ей чувствами, мыслями, желаниями. В феноменологическом подходе современное общество обсуждается как множество жизненных миров, основанных на субъективном восприятии социального контекста. Предметом изучения феноменологи делают жизненный опыт сознаний социальных акторов, конструирующий социальную реальность. В изучении социальных процессов устанавливается акцент на принципах организации субъективного опыта социального мира²¹⁵. В рамках экзистенциальной социологии «концепция экзистенциального Я обращена к уникальному опыту человека, находящегося в контексте современных ему социальных условий, – опыту, наиболее явственно отражающемуся в непрерывном ощущении становления и активного участия в социальном изменении»²¹⁶. Экзистенциальная социология обращается к духовному уровню социального – исследованию вербализации смысла бытия и аутентичности субъекта: «первый вопрос, с которым мы всегда

---

²¹³ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002. – С. 145–146.

²¹⁴ Кареев Н. И. Основы русской социологии. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. – С. 47.

²¹⁵ Шютц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994. – С. 491.

²¹⁶ Postmodern Existential Sociology / Ed. by J.Kotarba, J.Johnson. – Walnut Creek (CA), 2002. – P. 7.

сталкиваемся, обращаясь к проблеме экзистенции, – это вопрос «смысла» – «для чего мы существуем?»²¹⁷. Предметное поле экзистенциальной социологии выражено в таких категориях, как смысл существования, аутентичность, смерть, абсурд, свобода, ответственность, выбор и т.п.

Итак, в социологических теориях как репрезентации социальной рациональности выделяются три основные познавательные перспективы, выражающие когнитивную самообращенность социума и соответствующие преконвенциональному, конвенциональному и постконвенциональному типам рациональности. Приведенные выше характеристики позволяют классифицировать перспективы по основанию типа рациональности на индивидуалистическую, холистскую и субъективистскую соответственно. Подчеркнем, что индивидуализм здесь следует понимать как перспективу, раскрывающую не совокупность самоосуществления свободных субъектов, конструирующих реальность, а как совокупность взаимодействий индивидов, детерминированных базовыми дефицитами организма и действующих в направлении достижения личных выгод. Если рассмотреть предложенную классификацию сквозь призму оппозиции «объективизм-субъективизм», то индивидуалистическая и холистская перспективы выражают существенные черты объективизма, когда детерминанты социального поведения оказываются за пределами воли социальных акторов и действуют как принуждающие начала. В первой из названных перспектив источником принуждения выступают собственные дефициты индивидов, во многом связанные с биологическими основаниями поведения, во второй – совокупность социокультурных преуказаний. Субъективистская перспектива имеет признаки конструктивизма и помещает источник социального поведения в персональную реальность социального субъекта.

Основные характеристики перечисленных перспектив обобщены в табл. 5.

---

²¹⁷ Мельников А. Проблемное поле экзистенциальной социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – №2. – С. 92.

Табл. 5. Познавательные перспективы в социологии с точки зрения постнеклассической (универсумной) теории рациональности

Тип рациональности	Познавательная перспектива	Объяснительная модель	Теоретические образцы
Постконвенциональный	субъективистская	«субъективный смысл-выражение»; источник социального поведения – в персональной реальности самоактуализирующихся индивидов; взаимодействие относительно автономных социальных субъектов	субъективная школа в русской социологии; феноменологическая социология; экзистенциальная социология
Конвенциональный	холистская	«социальная норма-следование»; источник социального поведения – в групповой совместности взаимодействующих акторов; кооперативное взаимодействие	социологизм Э. Дюркгейма; структурный функционализм Т. Парсонса; теория социальных систем Н. Лумана
Преко́нвенциональный	индивидуалистская	«индивидуальная цель-действие»; источник социального поведения – в личной мотивации атомизированных индивидов; конкурентное взаимодействие	теории рационального выбора; функционализм Б. Малиновского; теории социального конфликта; теория социального обмена

В предложенной классификации дихотомия «методологический индивидуализм - методологический холизм» получает уточнение и становится трихотомией за счет ее дополнения субъективистской перспективой (подчеркнем идеальнотипический характер приведенных категорий). Помимо теорий, построенных в рамках той или иной из указанных перспектив, существуют теории, в которых применены несколько перспектив одновременно. Это, как правило, синтетические теории, стремящиеся охватить в своем анализе весь спектр проявлений предмета исследования. Один из образцов таких теорий – постнеклассический (универсальный) подход, методологические принципы которого сделали возможной предлагаемую в работе точку зрения.

Наша точка зрения, несомненно, весьма упрощена, требует углубления и уточнения. Вместе с тем, она позволяет, с одной стороны, углубить рефлексию современных исследователей относительно их приверженности к той или иной парадигме, с другой – указать на необходимость применения каждой из выделенных перспектив к анализу соответствующего ей класса явлений. Так, индивидуалистическая перспектива может служить адекватным теоретическим инструментом для изучения вещественно-энергетического уровня социальных систем и вряд ли подходит для изучения явлений функционально-организационного и информационного уровней. Применение данной перспективы за пределами своей предметной области вызывает теоретические затруднения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщим изложенные аспекты проблемы рациональности и выводы, сделанные в результате исследования в их логическом порядке.

1. Проблема. Ключевой проблемой в нашем исследовании выступило отсутствие общей социологической теории рациональности, что связано с целым рядом частных проблем в социологическом изучении рациональности общества. Среди них:

а) проблема дефиниции рациональности, связанная с отсутствием удовлетворительной формулировки содержания понятия «рациональность» в социологии;

б) проблема доказательного обоснования признаков рациональности, выраженная в преимущественно априорном принятии исследователями данных признаков как истинных;

в) проблема конфликтности существующих подходов к пониманию рациональности в социологии, совокупность которых представляет собой «лоскутное одеяло» – набор несводимых друг к другу, нередко противоречащих концепций;

г) проблема освобождения категории рациональности от оценочного характера, связанная со сложившейся практикой ее употребления для выражения позитивных оценок тех или иных аспектов социальной реальности;

д) проблема статуса рациональности в социальной системе, поднимающая вопрос о том, существует ли рациональность на уровне познавательной деятельности социальных субъектов или она есть универсальное свойство социальной реальности в целом.

Метод. В качестве теоретического инструмента, примененного в решении указанных проблем, выступила диатропическая познавательная модель, получившая разработку в работах С.В. Мейена, Ю.В. Чайковского, в

социологии применена в работах В.Г. Немировского, Д.Д. Невирко и ряда других авторов.

Результаты. Основными результатами использования данной модели в исследовании проблемы рациональности стали следующие выводы:

а) предложена дефиниция рациональности как совокупности рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированных вербализованными рефлексивными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов. Рациональность в узком смысле (уровень социального субъекта) представляет собой рефлексивный акт (его процесс и результат) индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемый с помощью вербальных средств коммуникации, в широком (уровень социальной системы) – совокупность рефлексивных содержаний социальной реальности и ее элементов (систем, организаций, общностей). Тем самым в качестве признака рациональности утверждается не какое-либо частное содержание реальности (как это сделано в актуальных подходах к пониманию рациональности в социологии), а способ оформления данных содержаний – вербально-рефлексивная форма. В этой интерпретации рациональность есть когнитивная самореференция человеческого общества и выступает признаком, отличающим мир природы от мира культуры, человеческое общество от иных ассоциаций;

б) охарактеризован статус рациональности в социальной системе как социального факта, имеющего внешнее по отношению к индивидам существование и оказывающего на них принудительное действие. К таким фактам относятся любые содержания культуры, не отделимые от вербально-рефлексивных средств их оформления, – как материальные, так и нематериальные. Рациональность в данном понимании выступает фундаментальной характеристикой социальной социальных систем;

в) получено доказательное обоснование вербально-рефлексивной оформленности содержаний реальности как существенного признака рациональности. Это необходимый инвариантный признак, присутствующий

во всех версиях рациональности и отличающий рациональность от нерациональных содержаний реальности;

г) сформулированы основания для создания единой системы интерпретации содержания понятия «рациональность» путем утверждения ее существенного признака (см. выше). С точки зрения используемого нами подхода различные определения рациональности представляют собой определения видов рациональности в значении вербально-рефлективных содержаний реальности. Виды рациональности выражают ее конкретные содержательные аспекты и могут быть использованы для исследования отдельных сторон реальности. Данный вывод позволяет устранить существующий в социологическом изучении рациональности эффект «лоскутного одеяла» и создать единую теоретическую систему интерпретации рациональности, объединяющую все подходы к ее пониманию;

д) категория рациональности в нашем определении в максимальной степени свободна от оценки. Именно в таком определении реализуется принцип свободы от оценки, постулированный М. Вебером. Задача применения данного определения сводится к фиксации вербально-рефлективного контента в изучаемом социальном объекте. Факт наличия и уровень такого контента характеризует социальный объект с точки зрения его рациональности. В таком применении понятие рациональности становится научной категорией, отражающей изучаемые объекты через факты, и характеризует изучаемый объект как таковой, а не его субъективную оценку исследователем.

2. Проблема. Указанные результаты позволяют эксплицировать рациональность как социальный объект и являются первым и необходимым этапом построения общей социологической теории рациональности. Вместе с тем, они не проясняют структурно-динамические качества рациональности, характеризующие ее существование и развитие в социальных системах. Не делают этого и другие подходы к пониманию рациональности в социологии.

При этом исследование таких качеств необходимо для формирования общей теории рациональности, так как позволяет не только внешне описать изучаемый объект, но и прояснить его внутренние характеристики. Таким образом, возникает задача исследования структурно-динамических качеств рациональности как социального объекта.

Метод. Данная задача становится решаемой в контексте постнеклассической социологии, опирающейся на современные познавательные модели. Для ее решения мы применили универсальный социологический подход, который в настоящее время успешно используется в современной социологии и представляет собой эффективный инструмент решения актуальных проблем науки и практики. Основой данного подхода выступает диатропическая познавательная модель, на основании которой В.Г. Немировским разработан диатропический принцип минимального универсума, позволяющий эксплицировать структурно-динамические качества любой развивающейся системы.

Результаты. В ходе применения универсального подхода для изучения структурно-динамических качеств рациональности получены следующие основные результаты:

а) сформулирована универсальная социологическая теория рациональности, раскрывающая минимальное количество характеристик, необходимых для описания рациональности любой социальной системы;

б) выделены три типа рациональности социальной системы – преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный, которые также представляют собой иерархически организованные уровни, выражающие различные уровни мотивации и связанные с докооперативной, кооперативной и посткооперативной моделями социального поведения. Соотношение данных уровней в конкретном социальном объекте обуславливает актуальную ситуацию существования и развития объекта, характеризует достигнутый им эволюционный уровень и определяет зону его ближайшего развития;

в) соотнесены уровни рациональности социальной системы и типы социальной солидарности, выделенные Э. Дюркгеймом: механическая солидарность соответствует преконвенциональному уровню рациональности социальной системы, органическая – конвенциональному и сверхорганическая – постконвенциональному уровню рациональности;

г) предложена дефиниция рациональности социальной организации (как социального объекта) как когнитивной самообращенности организации, раскрывающей основные параметры ее существования и развития;

д) сформулирована универсальная теория рациональности социальной организации, раскрывающая минимальное количество характеристик, необходимых для описания рациональности любой организации как социального объекта;

е) соотнесены уровни рациональности социальной организации и модели управления организацией, указано на необходимость соответствия системы управления организацией и актуального уровня рациональности организации. Управление «сверху-вниз», жесткая иерархия власти, управленец типа «бюрократ» целесообразны на преконвенциональном уровне рациональности организации, управление «по горизонтали», делегирование властных полномочий, налаживание системы взаимодействия эффективного между под структурами организации, управленец типа «организатор» – конвенциональному и управление «снизу-вверх», децентрализация власти, ведущая роль профессионального управления, управленец типа «креативный менеджер» – постконвенциональному уровню рациональности организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдула А. И. «Кризис рациональности» в контексте противостояния рационализма и иррационализма // Актуальні проблеми духовності: збірка наукових праць. Вип. 6 / М-во освіти і науки України, Криворізький держ. пед. ун-т ; відп. ред. Я. В. Шрамко. – Кривий Ріг, 2005. – С. 42–52
2. Абдула А. И. Открытое общество как механизм реализации социальной рациональности // Актуальні проблеми духовності: збірник наукових праць. Вип. 9 / М-во освіти і науки України, Криворізький держ. пед. ун-т ; відп. ред. Я. В. Шрамко. - Кривий Ріг : Видавничий дім, 2008. – С. 347–360.
3. Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. – М., 1988. – 287 с.
4. Автономова Н. С. Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – С. 48-76.
5. Агафонова Т. П., Мамычев А. Ю., Попов В. В. Юридическая рациональность в контексте модернизационных проектов отечественной государственности // Власть. –2010. – № 4. – С. 125–128.
6. Алексеев Я. С., Бородкин Ф. М. Принцип дополнительности в социологии // Социология и математика. Моделирование социальных процессов. – М., 1970.
7. Алстед Я. Психология, социология, общество: модели мотивации // Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 17–28.
8. Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. – М.: изд-во МГУ, 1994.
9. Анохин В. Б., Трошичев А. Н. Пострациональность сетевого общества // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2010. – № 1.

10. Асатрян Б. В. Социальная рациональность в системе интерпретации развития общества: автореф. дисс. канд. филос. наук. – Таганрог, 2007. – 27 с.
11. Бабаева Л.В. О рациональном и иррациональном в поведении бизнес-слоя // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С. 143–150.
12. Баженов Л. Б. Дополнительность и единство противоположностей // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика / отв. ред. Л.Б. Баженов. – М., Наука, 1976. – С. 5–15.
13. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. – 2003. – №5. – С. 8–20.
14. Бауман З. Текущая современность. – М., СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
15. Белозеров А. Б. Коммуникативная рациональность в контексте постнеклассической науки // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 62–65.
16. Булычев И. И. Основы философии, изложенные методом универсального логического алгоритма. – Тамбов: изд-во Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 1999.
17. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС: пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 39–50.
18. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии // Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 495–546.
19. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 602–643.
20. Ведмич Л. В. Педагогическая рациональность в средовой интеграции образовательного пространства вуза // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – Т. 5. – № 12. – С. 210–223.

21. Вите О. Т. Политический процесс как сфера иррационального действия // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С.87–91.
22. Выготский Л. С. Мышление и речь: сборник. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
23. Гайденко П. П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М., 1991. – 367 с.
24. Генов Н. Организационная рационализация в Восточной Европе: достижения и пределы // Социологические исследования. – 2007. – №11.
25. Герт Б. Рациональное и иррациональное в поведении человека // Мораль и рациональность. – М., 1995. – С. 259-292.
26. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
27. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К Ольшевика; Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева. – М.: издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.
28. Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии: пер. с англ. – СПб.: Наука, 2003. – 575 с.
29. Григоренко Д. Е. Проблема социальной рациональности в современной философии // Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности: монография. – Красноярск, филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2010. – С. 130–138
30. Гудков Л. Д. Тотальный дизайн: от смысла жизни к стилю жизни // Материалы мастер-класса Л.Д. Гудкова. Институт европейских культур. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iek.edu.ru/academ/algudk.htm>. Дата обращения 08.06.2013.
31. Давыдов Ю. Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. – 1996. – Вып. 6. – С. 71–77.
32. Давыдов А. А. Социология как метапарадигмальная наука // Социологические исследования. – 1994. – № 9.

33. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М.: Аванти плюс, 2003.
34. Демина Н. А., Павлов А. П. Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14): в 4 ч. – Ч. II. – С. 71–75.
35. Добренков В. И, Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 1. Теория и методология. – М.: ИНФРА-М, 2003.
36. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978.
37. Дудина В. И. К многомерной эпистемологии современного социологического знания // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы VI Очередного Всероссийского социологического конгресса. Сессия 2. XIV Харчевские чтения «Измерения социологического знания». – Уфа, 2012.
38. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
39. Дятлов А. Н. Управление организацией / А. Н. Дятлов, Н. В. Плотников. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19186664/#4>. Дата обращения 10.08.2012
40. Елькина Е. Е., Котенко В. П. Инженерная рациональность. Понятие и структура инженерного знания и инженерных наук // Социология науки и технологий. – 2010. – Т. 1. №2. – С. 119–136.
41. Заикин А. А. Кризис рациональности и новые подходы в ее понимании // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 46–51.
42. Зарубина Н. Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социологические исследования. – 2009. – № 4. – С. 38–48.
43. Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. – 2002. – №8.

44. Здравомыслов А. Г. Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С.7-70.
45. Здравомыслов А. Г. Принцип рациональности в современной социологической теории (гносеологические и культурологические основания) // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 3–15.
46. Зинченко Е. В. «Коммуникативная рациональность» как априори социальных наук (методологический обзор проектов) [Электрон. ресурс] // Credo new. – 2003. – №3. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/350/28/>. Дата обращения: 08.06.2013.
47. Зотов А. Ф. Научная рациональность: история, современность, перспективы // Вопросы философии. – 2011. – Т. 12. – № 2. – С. 21–48.
48. Казачков М. Ю. Выбор способа социального поведения человека: проблема рациональности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008 – №1 (9) – С. 60–65.
49. Карташев Д. Е. Рациональность как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук, Специальность 09.00.11 – Социальная философия. – Саранск, 2009. – 20 с.
50. Кармадонов О. А. Социологическая рациональность отсутствия в исследовании современного мира // Социологические исследования. – 2008. – №3. – С. 3–12
51. Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
52. Касавин И. Т. О ситуациях проблематизации рациональности // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – С. 187–208.
53. Калинин Э., Чиркова Е. Концепция постклассической экономической рациональности // Вопросы экономики. – 1998. – №5. – С. 68–78.
54. Кареев Н. И. Основы русской социологии. – СПб.: изд-во Ивана Лимбаха. 1996.

55. Колбановский В. В. Иррациональность и консерватизм // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С. 82–87.
56. Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. – М., 2004. – С. 399–598.
57. Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. – М.: издательский дом «Территория будущего», 2009.
58. Комаров В. Д. Технологическая рациональность и особенности технологических наук // Научная рациональность: возможности диалога. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009. – С. 49–50.
59. Кохановский В. П. Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 576 с.
60. Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. – М.: МГИМО-Университет, 2006. 172 с.
61. Кравченко С. А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. – 2007. – № 3.
62. Култыгин В. П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. – 2004. – №1.
63. Куракин Д. Ю. Символические классификации и «Железная клетка»: две перспективы теоретической социологии // Социологическое обозрение. – 2005. – Т. 4. – № 1.
64. Кущенко С. В. Соотношение рационального и иррационального в общественном сознании (философско-методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Новосибирск. 2008. – 41 с.
65. Лапин Н. И. Проблема рациональности и перспективы развития российской социологии // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С. 77–80.
66. Липский Б. И. Рациональность, истина, коммуникация // Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.). в 7 т. Т. 3.

- Онтология, гносеология, логика и аналитическая философия – СПб. изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. – С. 85–87.
67. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И.В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
68. Мартишина Н. И. Рациональность и научность: к определению соотношения понятий // Философия науки / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. – 2000. – №2. – С. 21–25.
69. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т.23. – М., 1960.
70. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб., 1999. – 478 с.
71. Маслова С. В. Рациональность постмодерна как фактор формирования мифоразрушительной и мифосозидательной тенденций в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 301. – С. 39–42.
72. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
73. Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 10–30.
74. Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 7–260.
75. Мельников А. Проблемное поле экзистенциальной социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – №2.
76. Моисеев Н. Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 77–87
77. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. – М., 1995.
78. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М., 1998.
79. Мудрагей Н. С. Очерки истории западно-европейского иррационализма. – М., 2002. – 112 с.

- 80.Муздыбаев К. Социальные дилеммы и способы их решения // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. X. – №2. – С. 99–122.
- 81.Мурейко Л. В. Практическая рациональность: к проблеме массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. - С.113–123.
- 82.Мурейко Л. В. К проблеме рациональности массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 126–134.
- 83.Научная школа В. Г. Немировского «Постнеклассическая (универсумная) социология» [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://research.sfu-kras.ru/science/schools/nemirovskii>. Дата обращения 08.06.2013.
- 84.Невирко Д. Д. Основы универсумной теории социализации человека: учебное пособие. – Красноярск, 2004. – 53 с.
- 85.Немировский В. Г. Социология личности. Теория и опыт исследования. – Красноярск: Изд-во Красноярского госуниверситета, 1989.
- 86.Немировский В. Г. Универсумная диагностика российского общества. – Красноярск, 2001. – 176 с.
- 87.Немировский В. Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития // Социология. – Минск, 2004. – №1. – С. 39–49.
- 88.Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. – 2006. – №2.
- 89.Немировский В. Г., Соколова Е. В. Структура и динамика смысложизненных ориентаций студенческой молодежи: 1988-2004 гг. Постнеклассический подход. – Красноярск, 2006. – 161 с.
- 90.Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека. – М., 2008. – 304 с.

- 91.Немировский В. Г., Сергеев М. И. Развитие социологической науки в Красноярском крае // Социологические исследования. – 2008. – №7. – С. 147–150.
- 92.Немов Р. С. Психология: в 2 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. – М., 1994. – 573 с.
- 93.Никифоров А. Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 295–313.
- 94.Новиков А. А. В поисках «сверхрациональности» // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 104–123.
- 95.Огурцов А. П. Рефлексия // Новейшая философская энциклопедия. Институт философии РАН [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2579.html>. Дата обращения: 08.06.2013.
- 96.Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М.: ФЭИ, 1995.
- 97.Павлов А. П. Личность и социальный порядок: монография. – Красноярск, 2005. – 131 с.
- 98.Панкратов И. С. Онтология рациональности. Век XXI // Философские дескрипты. – Барнаул, 2002. – Вып. 2. – С. 208–213.
- 99.Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. – 880 с.
100. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. – М., 2008. – 511 с.
101. Патнэм Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998.
102. Пироженко В. Наукова раціональність: ціннісна норма і методологічний регулятив // Вісник Національної Академії наук України. – 2002. – №8. – С. 45–52.
103. Покровская Н. Н. Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 9. – № 46. – С. 128–137.

104. Покровский Н. Е. О некоторых критериях рациональности // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С.121–126.
105. Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // Социологические исследования. – 2000. – №6. – С. 3–10.
106. Попова Е. П. Проблема критериев организационного развития: выживание или эффективность // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С.108–116.
107. Пригожин А. И. Современная социология организаций. – М.: Интерфакс, 1995.
108. Принсен Т. Экологическая рациональность - новый принцип развития или очередная утопия? // Экология и жизнь. – 2007. – №1. – С. 44–46.
109. Платон. Государство. Законы. Политик / предисл. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
110. Платон. Государство / Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч.1. – М.: Мысль, 1971.
111. Порус В. Н. Рациональность // Новейшая философская энциклопедия. Институт философии РАН [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2555.html>. Дата обращения 23.08.2013.
112. Радаев В. О рациональности в коллективном действии (о книге М. Олсона «Логика коллективных действий») // Вопросы экономики. – 1996. – №10. – С. 144–152.
113. Ракитов А. И. Рациональность и теоретическое познание // Вопросы философии. – 1982. – №11. – С. 68–81.
114. Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – 225 с.
115. Родионова В. И. Социальная рациональность в контексте технологизации социальных практик // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №5. – С. 250–255.

116. Родионова В. И., Болотова Т. П. Социальная рациональность и возможности коммуникативного разума // Власть. – 2010. – №5. – С. 50–52.
117. Розов М. А. О границах рациональности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 46–67.
118. Романовский Н. В. Понятийные проблемы социологии: поиск адекватной интерпретации // Социологические исследования. – 2010. – №4. – С. 13–22.
119. Рузавин Г. И. Теория рационального выбора и границы ее применения в социально-гуманитарном познании // Вопросы философии. – 2003. – №5. – С. 57–70.
120. Румянцева З. П. Общее управление организацией. Теория и практика: учебник. – М.: ИНФРА-М., 2007.
121. Руководство по психиатрии: в 2 т. Т.1 / А.С. Тиганов, А.В. Снежневский, Д.Д. Орловская и др.; под ред. А.С. Тиганова. – М.: Медицина, 1999. – 712 с.
122. Сёрль Дж. Рациональность в действии / пер с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.
123. Семенов В. В. Основы рациональности. Антропологический вектор философии. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003.
124. Сивирин Б. С. Социальная перспектива – человеческое измерение // Социологические исследования. – 2001. – №6. – С. 16–22.
125. Сивирин Б. С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. – 2003. – №4. – С. 3–12.
126. Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005.
127. Сорочайкин А. Н., Филатова А. В. Экономическая рациональность в современных условиях // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 90. – С. 38–42.

128. Смирнова Н. М. Рациональность социального знания: когнитивный нормативизм и стратегии интерпретации // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 205–230.
129. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / пер. с англ. Н.А. Рубакина. – Минск, 1999. – 1408 с.
130. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
131. Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессионально-публичная социология? // Социологические исследования. – 2009. – №4.
132. Труфанов Д.О. Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности: монография / Д.О. Труфанов, Т.А. Феньвеш, П.А. Стариков. – Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2010. – 140 с.
133. Труфанов, Д.О. Ценностные ориентации и проблема отчуждения человека. Постнеклассический (универсумный) подход // Тексты докладов III Всероссийского социологического конгресса. Институт социологии РАН [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.sociology-institute.ru/publications_bank/1227081253.pdf – 2008. Дата обращения 08.06.2013.
134. Труфанов Д. О. Ценностная социологическая концепция современных единоборств: монография. – Красноярск: КрасГУ, 2006.
135. Уорд Л. Психические факторы цивилизации. – СПб.: Питер, 2002. – 352 с.
136. Федотова В. Г. Социальная рациональность и демократическое общество // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 231–263.
137. Феньвеш Т. А. Социально-антропологические аспекты рациональности в контексте философии русского космизма // Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности:

- монография. – Красноярск, филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2010. – С. 48–86.
138. Флиивберг Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // Социологические исследования. – 2007. – №1. – С. 62–71.
139. Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию. – М., 2007.
140. Хунагов Р. Д. Проблема рациональности организационных структур // Социологические исследования. – 1995. – №7. – С. 122–131.
141. Худенко А. В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования. – 1993. – №4. – С. 67–74.
142. Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
143. Чайковский Ю. В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь. – 1992. – №1. – С. 62–108.
144. Черникова И. В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2004. – №6. – С. 94–103.
145. Черная А. Н. Взаимосвязь рационального и иррационального в концепции философии истории А. Тойнби // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 2. – С.134–141.
146. Чельшев П. В. Кризис обыденного сознания в современном мире // The XXII World Congress of Philosophy. July 30 – August 5. 2008. Seoul National University, Seoul, Korea. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/22510.htm> Дата обращения 08.06.2013.
147. Четвертаков С. А. Реконструкция теории Маслоу. – СПб.: Алетейя, 2011. – 576 с.
148. Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. – 1995. – №2. – С.43–57.

149. Швырев В.С. Рациональность в современной культуре // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 1. – С. 105–116.
150. Швырев В. С. О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре ее возможностей) // *Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1.* – М., 1999. – С. 9–45.
151. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М., 2003. – 176 с.
152. Шевченко А. А. Устойчивое развитие и эволюция идеи рациональности. – Новосибирск: изд-е ИФиПр СО РАН, 1994. – 19 с.
153. Шевченко А. А. Рациональность как характеристика коллективного действия // *Гуманитарные науки в Сибири*. – 1998. – № 1. – С. 70–74.
154. Шохов А. Схема научного исследования в постнеклассической науке [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socium.com.ua/shema.doc>. Дата обращения: 08.06.2013.
155. Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества. – М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997. 164 с.
156. Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – С.163-190.
157. Шютц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // *Американская социологическая мысль*. – М.: МГУ, 1994.
158. Эрн В. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. – Минск.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 592 с.
159. Back I., Flache A. The Adaptive Rationality of Interpersonal Commitment // *Rationality and Society*. – February 2008. – Vol. 20, no. 1 – Pp. 65–83.
160. Best H. Organic Farming as a Rational Choice: Empirical Investigations in Environmental Decision Making // *Rationality and Society*. – May 2009. – Vol. 21, no. 2 – Pp. 197–224.

161. Boudon R. *A Critical Dictionary of Sociology*. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 438 p.
162. Boumans M. The two-model problem in rational decision making // *Rationality and Society*. – August 2011. – Vol. 23, no. 3 – P. 371–400.
163. Elster J. Interpretation and Rational Choice // *Rationality and Society*. – February. 2009. – Vol. 21, no. 1 – Pp. 5–33.
164. Esser H. The Rationality of Everyday Behavior: A Rational Choice Reconstruction of the Theory of Action by Alfred Schütz // *Rationality and Society*. – January 1993. – Vol. 5, no. 17–31.
165. Genov N. The Transition to Democracy in Eastern Europe: Trends and Paradoxes of Social Rationalization // *International Social Science Journal*. – 1991. – №128. – Pp.131–141.
166. Grandori A. A rational heuristic model of economic decision making // *Rationality and Society*. – November 2010. – Vol. 22, no. 4. – Pp. 477–504.
167. Gellner E. *Conditions of Liberty: Civil Liberty and Its Rivals*. – Hamilton. London, 1994. – 225 pp.
168. Gintis H. Rationality and common knowledge // *Rationality and Society*. – August 2010. – Vol. 22, no.3. – Pp. 259–282.
169. Hennen M. *Keise der Rationalität – Dilemma der Sociologie: Zur Kritische Rezeption Max Webers*. – Stuttgart, 1976. –135 s.
170. Kohlberg, L. Moral stages and moralization: the cognitive-developmental approach // *Moral development and behavior: theory, research, and social issues*. – New-York, 1976. – P. 31-53.
171. Kohlberg L. *Essays on Moral Development: Vol. I. The Philosophy of Moral Development*. – San-Francisco, 1981.
172. Kohlberg L. *Essays on Moral Development: Vol. 2. The Psychology of Moral Development*. – San-Francisco, 1984.
173. Kroneberg C., Yaish M., Stocké V. Norms and Rationality in Electoral Participation and in the Rescue of Jews in WWII: An Application of the Model

- of Frame Selection // *Rationality and Society*. – February 2010. – Vol. 22, no. 1. – Pp. 3–36.
174. Korsgaard Christine M. *The Sources of Normativity*. – New York: Cambridge University Press, 1996.
175. Lindenberg, S. Social rationality as a unified model of man (including bounded rationality) // *Journal of Management and Governance*. – 2001. – №5. – Pp. 239–251.
176. Lindenberg S. Social rationality versus rational egoism // Turner, J. (ed.) *Handbook of Sociological Theory*. – New York: Kluwer Academic/Plenum, 2001. – P. 635–668.
177. Leibenstein H. *Beyond Economic Man: A New Foundation for Microeconomics*. – London: Harvard University Press, 1976.
178. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. Second Ed. – NY: Harper, 1970. – 370 p.
179. Martin D., Joomis K., *Building Teachers: A Constructivist Approach to Introducing Education*, – Belmont, CA: Wadsworth, 2007.
180. McLeod S. A. (2007). *Maslow's Hierarchy of Needs*. <http://www.simplypsychology.org/maslow.html>. Дата обращения: 08.06.2013.
181. Mehlkop G., Graeff P. Modelling a rational choice theory of criminal action: Subjective expected utilities, norms, and interactions // *Rationality and Society*. – May 2010. – Vol. 22, no. 2. – Pp. 189–222.
182. Nemirovskiy V. G. The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology / *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. – 2007. – Vol. 2, no.1.
183. Nemirovskiy V. G. The Theoretical-methodological Foundations of Post-non-Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology / *Humanities & Social Sciences: Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. Красноярск, 2008 – № 1. – С. 77–90.

184. Nobre F. Technological, Managerial and Organizational Core Competencies: Dynamic Innovation and Sustainable Development / Farley S. Nobre, David S. Walker, Robert J. Harris. – IGI Global. 2011. – 732 p.
185. Princen T. The Logic of Sufficiency. – Cambridge, Mass. and London: The MIT Press, 2005. – 401 pp.
186. Postmodern Existential Sociology / Ed. by J.Kotarba, J.Johnson. – Walnut Creek (CA), 2002.
187. Ritzer G. The McDonaldization of Society. – Pine Forge Press, 2000. – 430 p.
188. Rorty R. Science as Solidarity // Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. – Cambridge, 1991.
189. Simon H. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T.Ely Lecture // American Economic Review. – May 1978. – V.68, no.2. – P. 1–16.
190. Simon H. Models of Bounded Rationality. Vol III: Empirically Grounded Economic Reason. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
191. Segre S. Durkheim on Rationality // Journal of Classical Sociology. – February 2008. – Vol. 8, no. 1. – Pp. 109–144.
192. Stone P. Rationality, Intelligibility, and Interpretation // Rationality and Society. – February 2009. – Vol. 21, no. 1. – Pp. 35–58.
193. Schutz A. The Problem of Rationality in the Social World // *Economica*. L. – 1943. – Vol. 10 – №38 (May). – P. 130–149.
194. Weesie J., Snijders C., Buskens V. The Rationale of Rationality // Rationality and Society. – May 2009. – Vol. 21, no. 2. – Pp. 249–277.

Научное издание
Труфанов Дмитрий Олегович
Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем.
Постнеклассический (универсумный) подход

Редактор И.А. Вейсиг
Корректор Т.Е. Бастрыгина
Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

Подписано в печать 01.10.2013 г. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать плоская
Усл. печ. л. 7,75. Уч.-изд. л. 6,5
Тираж 500 экз. Заказ 2364

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел/факс (391) 206-21-49. E-mail rio@sfu-kras.ru
<http://rio.sfu-kras.ru>

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. 206-26-58, 206-26-49